

Лариса Порхун

Счастливая Женька. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48649891

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман "Счастливая Женька" – это попытка честного разговора о сложной и неудобной проблеме зависимости. Это история о непростой судьбе молодой женщины, преодолении ею алкогольной зависимости, а также поисках себя и своего предназначения. В нашем обществе до сих пор сохраняется устойчивое отношение к пьющей женщине, как к чему-то постыдному, о чем не принято говорить вслух. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

1	5
2	11
3	41
4	57
5	86
6	99
7	125
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Лариса Порхун Счастливая Женька. Начало

Истинное призвание одно – отыскать ключ к себе настоящему...

Герман Гёссе

1

Женька тихонько открыла дверь своим ключом и вошла в темную прихожую. Было около шести утра. В коридоре свет включать нельзя, родители спят. Другое дело – ванная! Ей удалось в темноте бесшумно проскользнуть к двери, на которой была прикреплена пластмассовая картинка, с изображением упитанного ребенка, стоящего под душем. На противоположной стене имелаась такая же выкрашенная белой масляной краской дверь, все стем же толстым малышом, но только сидящим на горшке. Женька знала, что если прижать выключатель всеми пальцами и равномерно надавить, он практически не издает звука. Ванная комната осветилась мягким светом и первое, что увидела Женька – это свое собственное отражение в зеркале, с полураспустившимися «локонами» (бабушкино словечко), и слегка размазанной под глазами тушью. Еще бы! Больше, чем она, никто из девчонок не танцевал. От приглашающих отбоя не было. Женька только что вернулась с выпускного бала. Окончен десятый класс: позади школа, позади экзамены, а, главное, совсем позади – завуч Татьяна Анатольевна, оставившая Женьку, у которой в аттестате была только одна четверка по русскому языку без серебряной медали.

– Понимаешь, Евгения, иногда твое поведение, некоторым образом, ... – как-то начала Татьяна Анатольевна в кон-

це года путаный и витиеватый монолог, который так и не смогла закончить. Но в этом и не было необходимости. Женька, как и все остальные в школе, и так знала, что поведение её, пусть и не безупречное, совершенно не причём. А причина в том, что городской отдел образования не одобрял чрезмерное количество медалистов на отдельно взятый класс и относился к этому вопросу крайне щепетильно. Это казалось подозрительным. Чрезмерным считалось (негласно, разумеется) количество более двух. А в Женькином классе уже и так было двое: безупречный во всех отношениях, к тому же лингвистический и математический вундеркинд – Боря Литвинов: то, что он окончит школу с золотой медалью, причём, абсолютно заслуженной, было ясно уже с первого класса. Ему был обеспечен самый радушный прием, как в МГИМО, так и в «Бауманке». А вторая серебряная медалистка – худая и нервная зубрила Наташка Демина, была родной дочерью завуча Татьяны Анатольевны. Как говорится, – Вопросы есть? – Вопросов – нет! – Все свободны. Конечно, можно было идти добиваться, скандалить, угрожать, писать жалобы, но Женьке было прекрасно известно, что родители её никогда на это не пойдут. Отец не станет этого делать по каким-то недостижимым, одному ему известным принципам, а у матери всю жизнь невероятно благоговейное отношение к учителям, которое она неустанно, но безуспешно возвращала все десять лет в упрямой и строптивой Женьке. Слово учителя казалось Зинаиде Евгеньевне истиной в

последней инстанции, классный руководитель, по её разумению, это – высший судья, а завуч и директор, соответственно, царь и бог.

– Я свободна! Ура! – тихонько захихикала Женька. У неё совершенно прошла обида на школу вообще и на завуча в частности. – А ну, их всех! – подумала она, внимательно разглядывая себя в зеркале. Она вспомнила, как почти все девочки из её класса плакали и сегодня при расставании, и на последнем звонке, но только не она. Вот ещё! Надо шагать в будущее, а не оплакивать прошлое. Мать и отец тоже совершенно спокойно относились к факту окончания их дочерью средней школы. А некоторые родители одноклассников (бывших, тут же поправила она себя) волновались, ждали своих чад возле школы. А её вон спят себе преспокойно. Правда, им скоро на работу. Мать встает в пять утра, работает поваром в детском садике, в который поочередно ходили и сама Женька, и её младший брат Ярослав. Отец – наборщик в городской типографии, в их доме много самиздатовской литературы самого разного направления: от астрологии, хиромантии и сборника рецептов народной медицины до Козьмы Прутков и Мандельштама с Ходасевичем.

Девушка боролась с сильным искушением принять душ, но боялась разбудить родителей. Нельзя, чтобы отец её видел сейчас. Как многие абсолютные трезвенники, он мгновенно услышал бы запах спиртного, а этого Валерий Михайлович совершенно не переносил. Встречая рассвет, выпускни-

ки распили две бутылки сухого вина, кислый вкус которого совершенно Женьке не понравился, зато очень понравилось ощущение, которое появилось после. Это можно было бы сравнить с расслабленной, снисходительной уверенностью в себе, в своих силах, в своем прекрасном будущем, в своей какой-то исключительности и даже превосходстве. Исчезло вечное недовольство собой, своей внешностью, манерами и походкой. Взгляд утратил свою настороженность и детскую наивность, в серых глазах появился стальной блеск, в поведении – грация некая манерность. Даже объект её постоянного недовольства и насмешек младшего брата – маленький курносый нос, казалось, утратил всю свою вздернутую незначительность и смотрел вверх горделиво, с восхитительным чувством собственного достоинства. На редкость приятные ощущения... Женя решила сейчас просто умыться и лечь спать, а когда отец уйдет на работу, залезть в ванную. Входящая в комнату вместе с молодым июньским солнцем, умытая и причесанная юная девушка являла собой всю прелесть семнадцати лет. Как часто в этом возрасте, чтобы выглядеть нежной и обворожительной, бывает достаточно просто смыть косметику! К сожалению, с годами, чтобы добиться похожего результата, часто требуется выполнять противоположные манипуляции.

Покосившись на спящего одиннадцатилетнего брата, Женька с наслаждением вытянулась в своей кровати. Засыпая, она, тем не менее, продолжала любоваться, висящим пе-

ред её глазами на дверце шкафа серебристым (под цвет глаз), только что бережно снятым «выпускным» платьем. Женька почувствовала тепло, когда подумала о бабуле, которая нашла и оплатила очень известную, и потому совершенно недоступную портниху, которая милостью Божьей, а также благодаря щедрой бабулиной премии, нашла в своем плотном графике небольшой зазор и сварганила для Женьки это маленькое серебристо-серое чудо. «Надо будет обязательно навестить бабГалю на днях, а то со школой, экзаменами, совсем её забросила» – успела подумать Женька. В следующую минуту она увидела себя, скачущей на вороном коне, у которого почему-то было лицо Витьки Белобородова, с параллельного класса, а он на выпускном, между прочим, совершенно по-хамски вел себя во время медленного танца, елозя по Женькиной спине (и даже ниже) руками и плотно прижимаясь всем телом. Топот копыт становился невыносимым, Женька неслась во весь опор, слева и справа она видела других лошадей: белых, серых в яблоках, рыжих. Она знала, что ей необходимо быть самой ловкой и самой смелой, ведь это её табун. Это она ведет его к какой-то очень важной и значительной цели, вот если бы не этот шум, почти грохот. Ах, да это вода, водопад так шумит. Табун мчится прямо к нему... Но Женьке нисколечко не страшно... Так надо... – Я справлюсь, – беззвучно произносят её губы, и она первая вместе с конем-оборотнем Витькой прыгает в воду. Тут же гул и бешеная скачка прекращаются, наступает долгожданный по-

кой и блаженство. Вода принимает её, укутывает невидимым легчайшим одеялом, покачивая, успокаивая и ласково обнимая... Женька безмятежно и крепко спит уже без всяких сновидений.

2

– Все прошло достойно. Именно так сказала Галина Аркадьевна своей дочери Зинаиде и зятю Валерке, сидя в столовой птицефабрики за поминальным столом. Зина, не глядя на мать, угрюмо кивнула. Валерий, по обыкновению, ничего не ответил и вообще старался не смотреть в сторону тещи. С первого дня знакомства он испытывал жуткий дискомфорт в её присутствии. Как только он видел устремленный на него колючий взгляд маленьких бледно-голубых глаз, темно-каштановую, залитую лаком «Прелесть» вечную «халу», возвышающуюся над ними, плотно сжатые губы и стекающие вниз, по краям рта, как логическое продолжение скорбной маски уныния, две глубоких борозды, ему становилось не по себе. Будучи образованным и неглупым от природы человеком, в её присутствии, Валерий Михайлович становился косноязычным и запуганным неучем. Имея рост 180 с лишком сантиметров, он был выше тещи на полголовы. Но когда она вставала, шумно выдыхая, расправляя свою щедрую грудь, он сам себе казался ничтожеством и пигмеем. Несмотря на то, что Галина Аркадьевна неизменно была с ним холодно вежлива и немногословна, Валерий знал, что теща его презирает и считает неудачником.

– Отмучился Николаша, – вздохнула Галина Аркадьевна.

– Царствие небесное, – с готовностью откликнулась вер-

ная подруга и наперсница Галины Аркадьевны – Надежда, разложившая огромные сиськи по обеим сторонам тарелки. Многие гости, бывшие сослуживцы, товарищи усопшего Николая Петровича уже разошлись, оставались, в основном, родственники и друзья семьи. Двенадцатилетняя Женечка явно скучала, приставала с расспросами, – А когда мы пойдем домой? – но услышав от потерявшей терпение матери шипящую отповедь, надулась итихозавидовала младшему брату Ярику, которого ввиду малолетства на похороны и поминки не взяли, а оставили под присмотром папиной сестры Раисы. Она была веселая, добрая и разрешала играть, во что хочешь. Можно было приглашать соседских девчонок, раскладывать с ними кукольные шатры, устраивать подушечные баталии и скакать по кроватям: у них дома такое невозможно было даже представить.

Со столов стали убирать. Зинаида и Надежда, как будто по сигналу одновременно поднялись и начали сортировать еду: дома тоже нужно будет посидеть узким кругом. Женька с облегчением вздохнула и, пользуясь тем, что мать с озабоченным видом хлопотала у стола и не обращала на неё внимания, вышла на улицу.

Николай Петрович был третьим мужем Галины Аркадьевны. Более двадцати лет он проработал на птицефабрике, занимая должность начальника отдела по материально-техническому и транспортному обеспечению, проще говоря, был завхозом, но одновременно другом и правой рукой дирек-

тора. Про таких говорят: человек на своем месте. Знал все входы и выходы на своей родной «птичке», будучи сам заядлым рыбаком возил «нужных» людей на рыбалку, да такую, про которую директору в министерстве на совещании шептали, закатывая глаза, – Ездили в субботу с Петровичем твоим на пруды... ммм – это что-то! Николай был третий муж Галины Аркадьевны, которого она похоронила, как и предыдущих двух ровно через двенадцать лет после замужества. Такая уж у этой женщины была судьба, или как она сама прочитала в одной из Валеркиных полуподпольных самиздатовских книжек – такая карма. Первый раз она вышла замуж в 23 года за человека, которого безоглядно полюбила, если не с первого, то со второго взгляда точно. Жили они тогда на Украине в областном центре и работали оба на химзаводе. Человека звали Евгений, был он молод, хорош собой, остроумен и галантен. Любовь к нему Галину закружила, зачаровала, лишила сна и покоя, и упала она в неё, не имея ни сил, ни желания с этим наваждением бороться. Поженились в счастливый и победоносный 1945-й. От завода получили комнату в семейном общежитии. Через год родилась дочь Зинаида. Её Женя был душа компании, остряк и балагур. В доме всегда были гости, музыка, смех и душевные разговоры. Галина любила его так, что подкашивались ноги, изнемогая от ревности и желания его спрятать, закрыть, оставить только для себя и использовать единолично при закрытых дверях и постараться растянуть надолго, как редкое

и очень дорогое вино. Но Евгений отшучивался, вырывался, исчезал, ускользал, на ходу целуя её в нос и надутые губы. И однажды исчез навсегда. Когда дочке Зине было одиннадцать, он во время работы поднялся на эстакаду, где почувствовал резкий запах сероводорода. Потерял сознание и упал с семиметровой высоты. Месяц он лежал в больнице, не имея ни одного целого ребра, с множественными гематомами и ушибами, мучаясь от боли, от собственного бессилия и от невозможности не только безболезненно помочиться, но и нормально дышать. Галина поселилась в больнице. Дома появлялась набегами, для того только, чтобы наспех проверить, как там Зинка и приготовить для Женечки свежую порцию перетертых супчиков и паровых котлеток. Изгнать её из палаты не представлялось никакой возможности, и персонал больницы махнул рукой. Она кормила его с ложечки, умывала, обтирала, брила, разминала затекшие мышцы, выгуливала в больничном сквере, терпеливо сносила его раздражение и злобу. Не взирая на обстоятельства: казенную больничную обстановку, плачевное состояние здоровья мужа, его холодность и отчуждение, испытывая острое сострадание к нему, она все же была почти счастлива: он был с ней и был только её. Неотлучно: утром, днем вечером и ночью. Она старалась перехватить взгляд его чудесных, серых в темную крапинку глаз, и млела от избытка чувств к своему Женечке: тут и безоговорочная любовь, и какая-то материнская жалость, и дикая страсть, и накрывающий её ледяной вол-

ной страх за любимого. Нечастых посетителей Галина умело выпроваживала, ссылаясь на рекомендацию врачей не утомлять больного. Через месяц Женя почувствовал себя хуже. Он почти ничего не ел, лежал, отвернувшись к стене от Гали и от всего мира. И внешне очень изменился: он сильно отек, лицо стало одутловатым, на теле стали появляться гематомы непонятного происхождения. Врачи забили тревогу. Его куда-то везли, что-то вливали, что-то капали, постоянно брали анализы. Но ничего не помогло, через шесть недель с момента поступления в больницу Женя умер. Оказалось, что у него уже семь дней, как отказали почки. Врачи переживали, что нужно будет возиться с Галиной, но она была строгой и вменяемой. Только потемнела лицом и все говорила и делала очень медленно. Как будто не была уверена, что это нужно и правильно. Похоронив горячо любимого Евгения, она вместе с ним похоронила свою молодость, женственность и привлекательность. В тридцать пять лет она выглядела солидной матроной глубоко за сорок. Но зато и оцепенение её прошло. Она стала рассылать письма-жалобы в различные инстанции, добиваясь служебного расследования по факту производственной травмы, повлекшей смерть Никишичева Е. С. В них она подробно излагала, «... что несмотря на тот факт, что у супруга были поломаны ребра, скорую помощь ему не вызывали два с половиной часа. Этот факт объясняется тем, что в заводском медпункте выжидали время для испарения из легких Никишичева Е. С. паров сероводорода,

которыми он и был отравлен. Кроме того, из лечебно-профилактического участка предприятия ему не вызвали скорую, а отвезли на транспорте завода. Первоначально Евгению был поставлен диагноз «закрытый разрыв лонного сочленения», а через шесть дней диагноз изменили на «ушиб мягких тканей лонного сочленения», что дало право заводу признать травму производственной». Галина Аркадьевна вошла во вкус истрочила письма. В поисках истины сидела в многочасовых очередях к чиновникам, неудачи и проволочки её не останавливали, а наоборот воодушевляли. По вечерам на кухне, отправив Зинку спать, Галина с выражением, гневно зачитывала, слушавшей её с открытым ртом соседке Марусе очередную петицию: «Врачом лечебно-профилактического участка (ЛПУ) химзавода Воронковой Л. Т., а также заведующим отделением второй городской больницы Дмитриенко А. С., при оказании медицинской помощи и выдаче медицинских заключений было совершено преступление (должностной подлог). Мой супруг Никищев Е. С., менее чем за месяц до несчастного случая, повлекшего смерть, проходил периодический медосмотр в ЛПУ химзавода и был признан годным к выполнению работы с особыми условиями труда. Если, как впоследствии указала в медицинских заключениях, главный врач ЛПУ – Воронкова Л. Т., причиной несчастного случая явилось состояние здоровья моего супруга, в таком случае, почему она допустила больного человека к выполнению трудовых обязанностей? Если состояние здоровья

Никишичева Е. С. не вызывало сомнений, в таком случае почему причиной несчастного случая главный врач ЛПУ указывает состояние его здоровья?» И так далее, и все в таком же духе. Как бы там ни было, но с приближением первой годовщины смерти драгоценного Женечки, многомесячные усилия Галины Аркадьевны в восстановлении справедливости начали приносить свои плоды. Была назначена пенсия по случаю потери кормильца, выдана единовременная довольно значительная материальная компенсация, и самое главное, – Галина Аркадьевна получила ордер на двухкомнатную квартиру, в очереди на которую они с мужем стояли более десяти лет. Последним заключительным аккордом, прозвучала врученная ей путевка в санаторий в городе Кисловодске, куда руководство завода её направило, чтобы подлечить надорванное в тяжких походах за справедливостью здоровье. При этом, Галине Аркадьевне недвусмысленно дали понять, что продолжать дальше трудовую деятельность на химзаводе ей будет довольно непросто. Да она и сама не хотела работать там, где все напоминало бы о муже. Поэтому с большим энтузиазмом устроившись в новой квартире, поручив надзор за самостоятельной Зинкой доброй соседке Марусе, она написала заявление с просьбой уволить её по собственному желанию и укатила на целый месяц в Кисловодск.

В этом же санатории им. А. М. Горького залечивал душевные раны после тяжелого разрыва с женой, Василий Иванович Огородничий – военный пенсионер, а ныне преподава-

тель начальной военной подготовки в одной из школ города Ставрополя. Коренастый, плотный, с довольно внушительным брюшком он, тем не менее, привлек Галину Аркадьевну своей какой-то неприкаянностью и беспомощностью. В 47 лет он оказался абсолютно не готов к ситуации, в которой оказался. До сих пор всё было хорошо, по крайней мере, он так считал. Он служил, ездил по гарнизонам, объектам и командировкам, часто подолгу не бывал дома, где его всегда ждала элегантная, умная, хозяйственная жена Марина и двое сыновей 17 и 10 лет. Василий Иванович дослужился до майора, в сорок пять лет, как и положено, вышел на пенсию и тут начались проблемы в семье. На гражданке он, разумеется, пребывал в кругу семьи и не собирался никуда уезжать. Оказалось, что его длительное присутствие очень раздражало супругу. Как она впоследствии ему призналась, она все время ждала подсознательно, что он скоро уедет, а он все не уезжал. А наоборот очень активно проявлял себя: громко сморкался, храпел и считал величайшим преступлением спать после шести утра. Кроме того, Василий Иванович имел привычку развешивать на дверях свои влажные полотенца, а если в блюде не присутствовало мясо, не считал это полноценным обедом или ужином, ну и т.д. Жену начинала бить нервная дрожь, когда он прикасался к ней. Он стал на ночь устраиваться на кухне, на раскладушке. Супруги все чаще выясняли отношения, чего никогда раньше не было. Даже трудоустройство Василия Ивановича не спасло положения.

Марина подала на развод, он съехал к приятелю. Директор школы, в которой работал Василий Иванович, посоветовал ему отдохнуть, подлечиться и обеспечил путевкой в этот санаторий.

– Нервы совсем расшатались, – жаловался он Галине Аркадьевне, – Просто не знаю, что делать! Они стали вместе проводить все свободное от процедур время. Василий Иванович говорил, она внимательно слушала. Однажды провожая Галину до её номера, он задержал её руку в своей. Она не отнимая руки, посмотрела на него с нежностью и сообщила, что её соседка уехала навестить дочь с маленькой внучкой.

Свадьбы никакой не было, Василий Иванович, окончив санаторно-профилактический курс, переехал к Галине Аркадьевне и через месяц они скромно расписались. Затем выяснилось, что Василий Иванович жить не может вдали от родных степей Ставрополя, своих любимых мальчиков, да и старенькая мама осталась одна в деревне.

– К тому же, Сашке поступать в этом году, ты же понимаешь, Галчонок, нужна будет моя поддержка, а младший совсем от рук отбился, того и гляди на второй год оставят, – Василий Иванович замолчал, и печальным голосом добавил, – А Маринке не до того, у неё есть кто-то... Галина Аркадьевна посмотрела мужу прямо в глаза, с нежностью, на которую только была способна и с огромным воодушевлением (как и все, что она делала) начала сложный процесс обмена, который увенчался положительным результатом только через

два с половиной года.

Жили они мирно, спокойно, без особых страстей, но и без потрясений. Василий Иванович к Зине относился ровно, скорее, даже равнодушно. Она нормально восприняла тот факт, что этот мужчина будет жить теперь с ними, как и переезд в Ставрополь. Ей никогда не пришло бы в голову перечить матери. Вообще, она росла замкнутой и тихой девочкой и, хотя училась неважно, особых хлопот ни учителям, ни матери не доставляла. Такая усредненная девочка: среднего роста, средней невыразительной внешности, средних способностей. Её мать, Галину Аркадьевну, также, даже в юности было довольно сложно назвать красавицей, но в ней была стать, был характер, была лидирующая составляющая, была «изюминка», которая привлекла к ней такого записного красавца и Донжуана, как Евгений Никишичев. В Зинке ничего этого не было и в помине. Галину Аркадьевну это ужасно возмущало.

– Как ты будешь на свете жить, размазня!? – кричала она дочери. У тебя ни о чем своего мнения нет! Все кому не лень, тобой помыкают. Мышка серая! Зинка только сильнее втягивала голову в плечи и с тоской смотрела в окно. Василий Иванович, не переносящий шума, слабо заступался:

– Она научится, Галчонок, жизнь заставит.

Миновав двенадцатилетнюю годовщину брака, Галина-Аркадьевна готовилась к юбилею мужа. Ему должно было исполниться шестьдесят. Она закупала продукты, производи-

ла генеральную уборку. Планировалось много гостей. Соседка Надя, которая стала Галине Аркадьевне с самого начала её переезда в Ставрополь близкой подругой и кем-то вроде духовника, была ещё известна своим талантом доставать всеми правдами и неправдами остродефицитные вещи. Так, накануне юбилея Василия Ивановича, Надежде удалось раздобыть в какой-то страшной очереди чешский мужской костюм дивного темно-синего цвета с перламутровым отливом. Принимая активное участие в нешуточной потасовке за импортный текстиль, имея весомый перевес в виде огромных двухпудовых грудей и хозяйственной торбы с мороженым хеком, сильно потрепанная, но довольная Надежда с победным криком, игнорируя несущиеся ей в могучую спину оскорбительные вопли и даже плевки менее удачливых охотников за дефицитом, покинула поле боя с заграничным трофеем. Изначально она планировала его для своего мужа, (готовились выдавать дочку замуж) но её Володька, слесарь автобазы, узнав, сколько костюм стоило шарашено присвистнул: «Полтора ста целковых!!! Да тычё, мать, с дуба рухнула!? – и грозно добавил, – Продавай его на х..!» Галина Аркадьевна с удовольствием смотрела на мужа, который стоял перед зеркалом в новом костюме, и почти не раздумывая, передала восхищенно цокающей языком Надьке деньги. На следующий день Василий Иванович пришел с работы весь в испарине, пожаловался супруге на одышку, тошноту и странную боль под лопаткой, которая отдавала и в руку, и даже в нижнюю че-

люсть. Он отказался от ужина и прилег в гостиной на диван. Галина Аркадьевна забеспокоилась и решила вызвать скорую. Вернувшись в комнату, она увидела, что Василий Иванович мертв. Она совершенно точно поняла, что это так, даже не приближаясь к нему. Он как-то мгновенно, неуловимо, но абсолютно однозначно превратился из облысевшего, полного, добродушного и живого человека в мертвое тело. Похоронили его в купленном у Надьки темно-синем костюме, который предназначался совсем для другого, более жизне-радостного мероприятия. Обширный инфаркт, уже второй, объяснили Галине Аркадьевне врачи. Сердце было настолько изношенным, что казалось, принадлежало человеку раза в два старше Василия Ивановича.

В 48 лет Галина Аркадьевна опять осталась вдовой. Зинаида уже год, как вышла замуж. Отношения с дочерью у Галины Аркадьевны были прохладные. В пятнадцать лет Зинка вдруг из тихой и покорной серой мышки превратилась в упрямую, целеустремленную и вполне себе милостивую девицу. Окончив кое-как восемь классов, наперекор матери, не пошла в девятый, а поступила в профессионально-техническое училище в соседнем городке, хотя таких ПТУ и в Ставрополе хватало. Жила в общежитии. К очередному удивлению Галины Аркадьевны училась там дочь хорошо и даже получала стипендию. Окончив училище по специальности «Повар, кондитер», получила распределение в столовую птицефабрики. Будучи свидетельницей на свадьбе у Надь-

киной дочки Ирины, познакомилась с Валеркой, свидетелем со стороны жениха. В армию Зинаида его провожала и верно ждала, находясь в статусе невесты. Через два года, когда из армии вернулся бравый сержант Валерий Шаповалов, молодые решили пожениться, но тут в пьяной драке убили Валеркиного отца, запойного алкоголика, но от этого не легче. Несмотря на общесемейное нежелание даже хоронить дорогого папу, который всем им (матери, сестре, самому Валерке) изрядно потрепал нервы, пропивая все, что не успевали от него спрятать, и при каждом удобном случае колотя жену и детей, свадьбу решено было отложить. Через десять месяцев после смерти отца, когда Зинаида с Валерием опять с надеждой поглядывали в сторону городского ЗАГСа, от цирроза печени скоропостижно умерла абсолютная трезвенница, любимая мама Валеры. Всю жизнь, неустанно боровшаяся с пьянством мужа, Ульяна Дмитриевна, как говорили врачи, на нервной почве «съела» в этой безрезультатной и совершенно напрасной войне собственную печенку, заработав цирроз. Любимого сына перед смертью попросила о двух вещах: присматривать за Раисой, сестрой Валерия, у которой вполне определенно начинала просматриваться та же алкогольная проблема, которая в силу молодости и относительно крепкого здоровья имела пока форму некоторой удали, бесшабашности и нескучного времяпрепровождения. И второе, о чем попросила сына Ульяна Дмитриевна: чтобы на её поминках и духа спиртного не было. «Этой гадости, которая

убила сначала все хорошее, что было в вашем отце, затем его самого, а теперь убивает меня», – повторяла мама Валерке. Так и сделали. Только насчет Райки, Валерию казалось, что мать ошибается. Ну не похожа аппетитная, как ванильная булочка, добрая хохотушка сестра с ямочками на щечках на их отца: тощего, злобного выродка, просыпавшегося и засыпавшего с одной-единственной мыслью: «Надо выпить!»

Свадьбу опять отложили. Галина Аркадьевна, в последние годы увлекающаяся эзотерикой твердила Зинке, что это неспроста, что это знак, предупреждение, которое нельзя игнорировать. Зинаида сравнила мать с темной шаманкой из Северной Африки, а её эзотерические изыскания назвала мракобесием. В тот день они сильно поссорились. Мать и дочь встретились только на свадьбе Зины и Валерия, почти через год. Да и то, пошла туда Галина Аркадьевна, по настоянию Василия Ивановича. Она так и не смогла принять зятя. Выбор дочери казался ей каким-то недоразумением, ошибкой, которую ещё не поздно исправить. Даже его абсолютная и постоянная трезвость казалась ей какой-то подозрительной и фальшивой показухой. На свадьбе она сидела, как на троне: надменная, холодная, замкнутая.

Но с приближением первой годовщины со дня смерти Василия Ивановича, оставшаяся одна в квартире Галина Аркадьевна окончательно загрустила. Больше всего одиночество, как это обычно и бывает, заявляло о себе в выходные и праздники. Оно вваливалось бесцеремонно, прокручивая

в голове Галины Аркадьевны один и тот же навязчивый и тоскливый мотив: ты никому не нужна, ты осталась совершенно одна, одна... Галина Аркадьевна родом была из глухого украинского села, где была только начальная школа. Семилетку окончила уже в городе, живя у тетки, многодетной, горластой, прокуренной большевички и её мужа-инвалида, потерявшего на войне обе ноги. Глядя на жизнь этих людей, в огромной, кричащей, дымящей, пьющей, дерущейся коммунальной квартире, где семья её тетки, состоящая из шести человек, ютилась в двух смежных комнатках, а по закопченной общей кухне сновали тысячной ордой рыжие тараканы, юная Галина поклялась, что никогда не будет жить так, как они. Сделает, что угодно, но у неё будет светлая, чистая квартира с занавесочками в цветочек и геранью на окнах, с белыми простынями и воскресными пирогами. Окончив семилетку, по совету тетки пошла на химзавод, так как там предоставляли жильё. Выйдя замуж за Василия Ивановича, нигде не работала, он не хотел, да в этом и не было необходимости, у мужа зарплата и пенсия, она получала за Евгения – денег хватало. После смерти второго супруга, видя её потерянность под влиянием утраты и желая помочь вдове хорошего человека и отличного работника, директор школы, в которой много лет проработал Василий Иванович, предложил ей должность школьного лаборанта.

– Работа не сложная, колбы, пробирки помыть, для занятий реактивы приготовить, цветы полить, – говорил он Га-

лине Аркадьевне, – Но главное, вы в коллективе, вы не одна, а дети – такой народ чудесный, вот увидите! И Галина Аркадьевна устроилась в школу, и хоть в коллективе приняли её довольно настороженно и прохладно, работа ей определенно нравилась. Скучную и захламленную лаборантскую кабинета химии, она вскоре превратила в уютный и зеленый островок, с множеством растений, с зоной отдыха и новыми занавесками на окнах. Здесь также, как и у неё дома царил порядок и чистота.

Выйдя однажды с работы прохладным ноябрьским днем, Галина Аркадьевна остро почувствовала, что не хочет идти домой, и приняла молниеносное решение навестить дочь. Зинаида и Валерий жили в полчасе езды от Ставрополя, в Валеркином старом доме, доставшемся им с сестрой от родителей. Тут же, в маленькой пристройке жила двадцатилетняя Раиса. Галина Аркадьевна приехала к вечеру, но, ни Валерия, ни Зинаиды дома не было. На стук, нетвердой походкой вышла Райка, у которой были гости, но она не смогла толком объяснить, где Зинаида и/или Валера. Взглянув на часы, Галина Аркадьевна подумала, что дочь может быть ещё на работе. Остаться в доме с Райкой и её веселыми друзьями не было никакого желания. Она села в автобус и проехала три остановки до фабрики, чтобы встретить дочку на проходной. Простояв там больше часа и не дождавшись Зинаиды, Галина Аркадьевна смотрела на стеклянные двери, из которых уже редко кто-то выходил и размышляла, что

ей теперь делать. Уже темнело, надо было ехать опять к дому, где жила дочь с неприятным зятем или отправляться на автостанцию, чтобы успеть вернуться в Ставрополь. А если дочери все ещё нет дома? Где её искать и где ночевать ей в таком случае, ведь на автобус до своего города она тогда не успеет? Задумавшись, Галина Аркадьевна не сразу заметила крупного, средних лет мужчину, в отличной замшевой куртке, который направлялся прямо к ней.

– Добрый вечер. Вы кого-то ждете? – спросил он. У незнакомца оказался участливый голос, открытый взгляд и приятные черты лица, которые, быть может, слегка утяжелял массивный подбородок, но этот недостаток вполне компенсировался легким, но устойчивым загаром, который чрезвычайно шел к его белозубой, мягкой улыбке и был особенно удивителен в преддверии зимы. Галина Аркадьевна рассказала о том, что хотела проведать дочь, но дома её нет, на работе, судя по всему тоже. Женщина опять мельком глянула на часы: – Просто не знаю, что делать, да и волнуюсь уже. Зина моя домоседка, да и муж еётакой же. Не случилось бы чего... Она посмотрела на собеседника, он внимательно слушал, потом коротко спросил фамилию Зины и велел Галине Аркадьевне подождать несколько минут. Глядя, как незнакомец скрывается за дверями проходной, она вдруг совершенно успокоилась и присела на лавочку. Откуда-то пришла уверенность, что теперь все будет хорошо. Ей не о чем беспокоиться. Она в надежных руках. Галина Аркадьевна до-

стала зеркальце и, ловя свое отражение в наступающих сумерках, поправила, как могла прическу и макияж. Через двадцать минут она узнала, что её дочь Зинаида лежит в больнице на сохранении уже две недели. Что на работу в ближайшее время она, скорей всего, не выйдет, так как ей очень скоро в декрет. Что незнакомца зовут Николай Петрович, он вдовец, имеет взрослого сына и давно работает на этой фабрике. Ещё Галине Аркадьевне стало известно, что Николаю Петровичу тоже нужно ехать в Ставрополь, и потому он с большим удовольствием подвезет такую милую женщину до места её проживания на своей личной «Волге». У Галины Аркадьевны путались мысли, и немного кружилась голова. Сразу столько всего... Зинка беременная! Уже почти перестала надеяться... Два года живут, и вот наконец-то! Она скоро станет бабушкой... Вот и зять хоть на что-то путное сгодился... Какой приятный человек этот Николай Петрович... Галина Аркадьевна рассказывала ему о своей жизни, почему-то этот человек вызывал какое-то безусловное доверие, ему хотелось излить душу, с ним хотелось говорить обо всем на свете. В самых лучших чувствах расстались они возле дома Галины Аркадьевны, обменялись телефонами и договорились о встрече. Утром следующего дня, помолодевшая и жизнерадостная Галина Аркадьевна купила на рынке свежих фруктов и поехала к дочери в больницу. Увидев похорошевшую, нарядную мать, Зина растерялась и обрадовалась. Примирение было максимально быстрым и, к удивлению обеих,

искренним и бурным. Галина Аркадьевна обнимала Зину, много шутила, говорила о том, как она рада, строила планы семейного времяпрепровождения на даче, которую надо будет обязательно приобрести, ведь ребенку нужен свежий воздух. Зинаида, глядя на благоухающую, яркую мать, не узнавала её, столько в ней было молодой сокрушительной энергии и напора. Рядом с ней Зина стеснялась своего жиденького хвостика, отекавших ног и тесного халатика, уже не сходящегося на животе. По-своему истолковав её смущение, Галина Аркадьевна взяла Зинины тонкие пальчики в свои большие и теплые ладони, ис заметным волнением, торжественно произнесла:

– Все будет хорошо, доченька, вот увидишь! Отлично знакомое ей чувство восторженного душевного подъема и бурная жажда деятельности медленно, но неуклонно заполняли всю её без остатка, отменяя прочь неуверенность, преграды и сомнения, встающие на пути её преобразований и обновления.

Жизнь Галины Аркадьевны сделала еще один романтический вираж и заиграла новыми красками. 20 ноября 1970 года она познакомилась с Николаем Петровичем, 20 декабря 1970 года они подали заявление в ЗАГС, 20 января 1971 года состоялась немногочисленная, но знатная свадьба на чудесной даче Николая Петровича, имеющей собственную акваторию, а 13 января 1971 года родилась её внучка. Когда Зинаиду с дочкой привезли из роддома, малышка долго не

открывала глаза, то ли спала, то ли просто не считала нужным. Она морщила розовое личико, иногда посапывала крохотным носиком, но упорно не желала использовать органы зрения. Собравшиеся в честь новорожденной близкие родственники, потоптавшись возле малютки, вернулись к столу. Когда через какое-то время, Галина Аркадьевна решила взглянуть на ребенка, то не поверила собственным глазам. В кроватке лежала туго спеленатая малышка, глядя на неё серьезно и абсолютно осознанно большими серыми глазами, с темной окантовкой.

– Да это же ....Боже мой, – прошептала Галина Аркадьевна, – ...Женечка! Практически единогласно было решено назвать девчущку Евгенией, так как восприняли это узнавание и это сходство, как добрый знак.Против был только зять Валерий, который тихо, но упорно настаивал на имени Оксана. Но всерьез его сопротивление никто не воспринял, поскольку даже любящая жена посчитала это всего-навсего капризом, актом необдуманного протеста,направленного в адрес тёщи. Новоиспеченная бабушка с умилением гладила длинный русый хвост малышки, приговаривая: «Счастливая будет! Вон коса-то у девки – загляденье!»

Женька росла милой, смышленной и непоседливой. Галина Аркадьевна любила её какой-то особенной, отдельной любовью, не имеющей ничего общего с её обожанием Николая Петровича, например. Или к тому, что она чувствовала к Зине, когда та была ребенком. Вообще, она очень изменилась.

Изменилась внешне и внутренне. Черты лица стали мягче, походка утратила резкость и порывистость, а взгляд – холод. Глаза её, как будто подсвечивались изнутри. Третье замужество и появление в семье маленькой девочки с глазами её первой, самой чистой и самой сильной любви подействовало на неё, как живительная влага для засыхающего растения. Так случилось, что пик её женственности и привлекательности случился не в восемнадцать и не в двадцать пять, а на шестом десятке её жизни. И подсознательно чувствуя, что такое, почти осязаемое счастье не может продолжаться очень долго, она пыталась насладиться им сполна. Первого мужа Галина Аркадьевна очень любила, но эгоистичной, своекорыстной любовью, как бы исключительно для себя. Здесь было много чего: и страсти, и ревности, и шумного выяснения отношений, и бурного примирения, и ультимативных требований, и клятвенных заверений в вечной любви, и демонстративных уходов, но не было взаимного уважения, не было внутренней, личностной свободы, они оба увязли и задохнулись в этом браке. Второй муж, был обыкновенен и предсказуем до нагоняющей тоску зевоты. Галина Аркадьевна всегда могла сказать с поражающей несведущих людей точностью, где Василий Иванович в данный конкретный промежуток времени и чем он занят. Но после бурной и драматической любви первого брака, оборвавшегося трагической кончиной Евгения, её продолжительное время устраивала эта тихая, спокойная, умиротворенная бухта имени Василия Ивановича.

ча Огородничего. Что касается третьего мужа, Николая, то здесь Галина Аркадьевна из ведущей легко и непринужденно стала вдовой. Причем совершенно добровольно, сразу и с удовольствием. Она боготворила своего нынешнего супруга. Николай Петрович до той самой встречи с Галиной Аркадьевной уже одиннадцать лет вдовствовал: его жена и семилетняя дочка возвращаясь с детского праздника, разбились на машине. Такси, в котором они ехали, на полном ходу затянуло под груженный самосвал. Это все, что Галине Аркадьевне очень сдержанно и только однажды рассказал Николай Петрович. Она вовремя поняла, что настаивать на подробностях не стоит. Сам он в это время был в командировке в Белгородской области, а его сын в пионерском лагере. Сейчас двадцатичетырехлетний Юрий жил в Москве, учился в аспирантуре и работал на кафедре теоретической физики МГУ. Родной сын для отца являлся тайной за семью печатями. Николай Петрович, который мог расположить к себе кого угодно, найти выход в самой запутанной ситуации, умело переводить нарастающую ссору в конструктивный диалог, — не мог подобрать нужных слов в разговоре с сыном. То ли смерть матери и сестры так отразилась на мальчике, то ли от природы Юра был замкнутым, неэмоциональным человеком, живущим не в реальном, а в своём физико-математическом мире, но общих тем у отца с сыном, год от года становилось все меньше.

В последние несколько лет с легкой руки друзей, коллег и

некоторых родственников, Николай Петрович уже числился закоренелым холостяком. Утомившись от многочисленных безуспешных попыток женить или хотя бы ближе познакомиться (ну хороший же мужик!) со своей подругой, сестрой, золовкой (вот такая баба!) его оставили в покое. Да и сам он не ожидал такого поворота. Но заметив однажды, на территории фабрики высокую женщину с медными волосами, которая смотрела вдаль так, как будто находилась совсем не здесь и видела совсем не то, что все остальные, что в нем изменилось. Её светло-голубые глаза, остановившись в какой-то точке, были невыразимо грустны и прекрасны. Николаю Петровичу захотелось сделать для этой женщины что-нибудь очень хорошее. Он хотел, чтобы она улыбнулась, а потом ещё раз, и ещё, и только ему. Почему-то это казалось очень важным.

Теперь, разбирая садовый инвентарь и поглядывая на Галину и Женечку, громко читающую по слогам, он понял, что это действительно важно. Только это и важно. Это то, чего ему не хватало так много лет. То, что так его терзало и мучило, наконец, отпустило. Вот оно, родное, ему казалось, что уже почти забытое, то чего ждала все эти годы измученная чувством вины душа и израненное горем сердце. Его жена, любящая, понимающая маленькая девочка, в освещаемой солнцем беседке... Когда-то это было у него безжалостно и чудовищно отобрано, больше он этого не допустит. Николай Петрович поднял голову и посмотрел в сторону беседки. Га-

лина Аркадьевна улыбаясь, смотрела на него. Шесть лет семейной жизни пролетели, как шесть дней. «Все счастливые семьи похожи друг на друга...»

Николаю Петровичу никто не давал его шестьдесят лет. Выше среднего роста, широкоплечий, крепкий и сбитый, как гриб боровик, он чувствовал себя и выглядел прекрасно.

– Галя, хватит терзать девчонку, нам кто-то обещал вишневый пирог, – направляясь к беседке, он на ходу подхватил на руки облегченно и радостно взвизгнувшую Женьку.

– Давно на столе, – Галина Аркадьевна смотрела на бегущую к дому Женьку, – Николай, ей в школу в сентябре, нужно заниматься, ты слишком её балуешь, вчера зоопарк, сегодня полдня рыбалка, Зине рожать через месяц, ей не до неё.

– Все успеем, Галюнь, и в школу поступим, и родим, кого надо в срок, идем лучше чай пить – Николай Петрович обнял жену и пока они направлялись к веранде, где уже хозяйничала Женька, расставляя чашки, шумно тянул носом, стараясь уловить дух знаменитого вишневого пирога. Душевный комфорт и стабильность удивительно к лицу зрелой женщине. Галина Аркадьевна в пятьдесят пять, выглядела лучше, чем в тридцать. Именно с этоговозраста шестилетняя Женя уже очень хорошо её помнила. Тогда бабушка на даче учила её читать, а дедушка Коля ловить рыбу. Женька была совершенно не похожа ни на мать, ни на отца. Бойкая, ловкая, жизнерадостная, загоревшая и подстриженная на лето «под мальчика», она и своим поведением напоминала маль-

чишку-сорванца. Бьющая через край энергия, жажда новизны и активности исключали самую мысль о покое и тишине. Николай Петрович такую кипучую Женькину деятельность одобрял и даже поощрял, давно в этом доме не было так по-хорошему шумно и весело, а Галина Аркадьевна немного переживала за внучкины хронически не заживающие коленки и локти, и вообще «она же девочка». Но в глубине души, радовалась, глядя на умненького, ладного и такого живого ребенка. Женька часто вспоминала это дачное лето 1977 года, большой светлый дом, в котором пахло нагретой сосной и лесными травами, деревянные ступеньки идут от солнечной веранды с множеством окон и сбегают прямо к озеру... Дед Коля – сильный, загорелый, рубит дрова, значит сегодня – баня. Женьке очень нравится банный дух, она вдыхает его еще на пороге и не может надышаться. Дед ласково смотрит на неё и улыбается. Вокруг глаз разбегаются веселые лучики-морщинки. Женя слышит голос бабГали, она идет купаться и зовет её с собой. Поскольку Женька живет под девизом «Зачем идти, если можно бежать!?!», она несется к озеру, опережая бабушку, которая медленно спускается с наброшенным на плечо полотенцем, в длинном голубом сарафане, который очень идет ей.... Чудесное было лето... Вишнево – абрикосово – малиновое, солнечно-загорелое и лазурно-небесное – последнее дошкольное Женькино лето. Последнее лето, когда она была единственным ребенком в семье, последнее лето, когда дедушка Коля был здоровым,

бодрым и сильным.

17 августа 1977 года родился брат Женьки – Ярослав. А 1 июня 1978 года Николай Петрович поехал в аэропорт, встречать сына с невесткой и на обратном пути попал в небольшую аварию. Никто не пострадал, но с Николаем Петровичем, перенесшим тяжелейший стресс по этой причине, ночью случился инсульт. Галина Аркадьевна, как когда-то давно, снова переехала с мужем в больницу. Через месяц, когда его выписали, Зинаида, встречающая у больницы, не сразу узнала в худом, шаркающем старике с палочкой – Николая Петровича. Мать держалась, но тоже очень сдала. Она держала свою руку так, чтобы ему было удобно опираться свободной от палки рукой. Так они и шли скорбными, неторопливыми шагами к ожидавшему их такси, чтобы ехать на дачу. Зинаида, проглотила комок и открыла заднюю дверь:

– Где Женечка? – вместо приветствия спросила мать у дочери, – Она ведь у нас будет?

– Нет, она потом... может, вам и так трудно будет..., – Зинаида помолчала, – Мама, я думаю, вам удобнее было бы в квартире, и к нам ближе, а дача – 50 километров, ни телефона, ни медпункта, вдруг что...

– Что!?! – перебила её Галина Аркадьевна, – Ещё один инсульт? Или инфаркт? – взглянув на испуганную дочь, смягчилась, – Не переживай. Надежда с Костиком приезжают через неделю на все лето, мы не одни будем с Колей, а ему дача нужна его, он погибнет в квартире, зачахнет совсем, а Же-

нечку привези, каникулы ведь, пусть у нас побудет, Коля так любит её.

Зина, молча, кивнула. Спорить с матерью было напрасной тратой сил, нервов и времени. И начался ещё один этап в жизни Галины Аркадьевны. Николай Петрович плохо ходил и говорил, с трудом глотал, не всегда распознавал позывы к мочеиспусканию, сидел большую часть дня на веранде, слушал радио, но в основном, дремал, пока жена не поднимала его на прогулку или массаж. Галина Аркадьевна вышла на пенсию, жили они теперь все время на даче. В квартиру Николая Петровича переехал, вернувшийся из Москвы, его сын с женой и ребенком. Через год ситуация со здоровьем Николая Петровича если и не улучшилась кардинально, то, по меньшей мере, стабилизировалась. А по отдельным направлениям весьма четко просматривалась и положительная динамика. За этот год, благодаря Галине Аркадьевне, Николай Петрович заново прошел обучение навыкам самообслуживания. Его жена каждое утро поднимала мужа на зарядку, растирала влажным полотенцем, нашла и оплатила хорошего логопеда и массажиста. Каждые два месяца возила на сеансы магнитотерапии, заваривала травы, доставала по благу мумиё. С мая до первых чисел октября, вместе с ним выполняла комплекс упражнений в воде, которому её обучила ещё в больнице улыбчивая и равнодушная медсестра, занимающаяся с пациентами лечебной физкультурой. Николай Петрович довольно хорошо стал говорить, двигался хоть и мед-

ленно, но, за редким исключением, самостоятельно. Конечно, он уже никогда не стал прежним, – сильным, волевым, харизматичным. Он старался уединиться, зная о своих речевых недостатках, от разговоров уклонялся. Часто трудно было понять какое впечатление производит на него то или иное событие, он как будто отстранялся постепенно... Но, тем не менее, после тяжелейшего ишемического инсульта, он прожил ещё пять лет, будучи опрятным, подтянутым и достаточно здравомыслящим пожилым человеком, который с тихой улыбкой встречал наезжающих к нему по старой памяти друзей, занимался с внуками, и даже увлекся в последнее время столярным делом. В мастерской, в которую он превратил бывший сарай, практически все было изготовлено его руками: полки, верстаки, удобный рабочий табурет. Тут все было пропитано крепким смоляным духом, это было маленькое деревянное царство. Здесь и нашла его без сознания ноябрьским погожим днем Галина Аркадьевна. Он привалился к левой стене, а справа лежала на боку недоделанная им шкапулка. Подарок для неё. Она знала, что он готовит какой-то сюрприз к её дню рождения, так как он пытался неловко маскировать свое творение, накрывая его тряпкой, всякий раз, когда она входила в мастерскую. Больше он уже не вставал. Через два месяца, 20 января 1983 года миновала двенадцатая годовщина со дня заключения брака Николая Петровича и Галины Аркадьевны. А через три дня он умер. Все расходы по организации похорон взяло на себя руководство птице-

фабрики, на которой 24 года проработал Николай Петрович.

Девятый и сороковой день устраивали на любимой даче Николая Петровича. На сороковинах, уже поздно вечером, к ней подошла невестка, жена Юрия, Инга и скорбным шепотом сообщила, что дачу надо освободить.

– В каком смысле освободить? – не поняла Галина Аркадьевна, – От кого?

– Мы сдаем дачу в апреле, понимаете, Юрий заканчивает докторскую, скоро защита, нужны деньги, – Инга вздохнула и пожала грациозными плечиками, обтянутыми черным атласом, – Вы не подумайте, мы знаем, сколько вы сделали для Юриного папы, но у вас есть прекрасная квартира, а нам сложно, ведь Юра такой не практичный, а тут предложили сдать дачу на несколько месяцев и деньги хорошие....

– Я ничего не делала «для Юриного папы», – ледяным тоном ответила ей Галина Аркадьевна, – все, что я делала, я делала для своего мужа и не считаю это чем-то выдающимся, – Галина Аркадьевна с высоты своего роста и комплекции, глянула на хрупкую, невысокую Ингу, – Так ведёт себя любая нормальная женщина, если она уважает и любит своего мужа, – Галина Аркадьевна выдержала паузу, снова пристально смерив растерянную невестку взглядом, в котором читалось откровенное сомнение, что Инга на её месте поступила бы также и добавила:

– «Я *освобожу* дачу к понедельнику. Если бы дело было только во мне, я съехала бы немедленно, но здесь моя подру-

га с больным внуком, а им нужно время, чтобы собраться, – считая разговор оконченным, Галина Аркадьевна направилась на кухню, где верная Надя мыла посуду, а её внук – солнечный мальчик Костик, настолько насколько позволял его диагноз «синдром Дауна», как всегда, старательно ей помогал.

3

– Все равно не понимаю, почему именно в медицинский?! – ни к кому напрямую не обращаясь, тихо повторила Зинаида, – Трупы, инфекция, вонь...

– Да ты что заладила: почему, почему!? Радоваться надо – в семье свой врач будет, – Галина Аркадьевна в сердцах встала, – Что тебе не нравится-то опять!? Чего ты все грызешь её!? Девчонка с одной четверкой школу окончила, с лёту в мединститут поступила, а... тебе все равно не угодишь – Галина Аркадьевна махнула рукой.

– Мы с Валерой думали, чтоб в педагогический, учительницей. У неё бы получилось, она с детства с малышами хорошо управлялась, – Зинаида тоскливо посмотрела на мужа, ожидая поддержки. Но Валерий демонстративно уставился в телевизор.

– Они с Валерой думали! Очень интересно, чем именно, хотелось бы мне знать.... Неизвестно, как закончилась бы эта увлекательная беседа, если бы не звук открывающейся входной двери. Галина Аркадьевна зыркнула грозно на дочь и поспешила в прихожую встречать Женьку.

Собрались узким кругом в честь недавно зачисленной на 1 курс медицинского университета Евгении Шаповаловой. Но настроение у бабушки и матери было заметно подпорчено, обе взглядами старательно избегали друг друга, – Опять

поцапались! – пронеслось у Женьки в голове. В кресле перед телевизором сидел хмурый отец, не повернувший даже головы в сторону вошедшей дочери. Через час Галина Аркадьевна засобиралась домой, внучка пошла её провожать на остановку. Зинаида глянула в окно, как они шли: дочь, активно жестикулируя, что-то радостно на ходу рассказывала, мать внимательно слушала, с улыбкой кивая. Зину накрыло горячей волной хорошо знакомое ей смешанное чувство обиды, горечи и вечного её спутника с детства, постепенно нарастающего глухого раздражения на мать.

– Господи, можно подумать, что я завидую, это отвратительно, – подумала она.

– Вот именно. Завидуешь и ревнуешь свою мать к дочери! – тут же пронеслось в голове, – Ну почему она так всегда, как будто меня нет, как будто я дура набитая, – Зинаида готова была расплакаться, – Со мной она никогда не была такой веселой и никогда меня так не слушала. Зина смотрела в одну точку, глубоко задумавшись. Зловредная память услужливо выдавала ей одну за другой картинки из детства и юности: как-то в седьмом классе она собиралась на день рождения подружки и одноклассницы Машки Данилец и долго трудилась над прической. Когда она вышла из комнаты, мать в присутствии Василия Ивановича громко рассмеялась: «Что это за Эйфелева башня, немедленно приведи себя в порядок, Бриджит Бардо недоделанная!». А ещё раньше, лет в двенадцать, Ольга Ефимовна, классная руководительни-

ца и учительница русского языка и литературы, похвалила её за выразительную декламацию стихотворения Н. Некрасова и посоветовала записаться в школьный театральный кружок. Когда Зинка вечером, смущенно улыбаясь, рассказала об этом матери, она только хмыкнула: «Да что ты, какой тебе театральный... Это для таких, как ваша Карина Абазова, ярких, красивых, голосистых...». Зинаида вспоминала, как из кожи вон лезла, чтобы заслужить похвалу матери. Этого крайне редко удавалось достичь, да и то необходимо было прилагать титанические усилия. У матери был такой удивленный вид, если у неё что-то хорошо получалось, как будто в её картине мира произошел чудовищный сбой и совершенно неизвестно к чему это может привести. Зато когда дочь очередной раз оказывалась не на высоте, мать поджимала губы, горестно кивая головой, с видом человека, которого хамским образом надули, подсунув вместо идеального ребенка, получить которого у неё были все основания – жалкую троечницу Зинку. Потом она молча удалялась всем своим видом демонстрируя смирение, жертвенность и следующий посыл: «Нет, я не жалуясь, просто, честно говоря, непонятно, как *такое* вообще могло произойти *со мной!*?» Отец умер, когда ей было одиннадцать, как Ярику сейчас. Она его не очень хорошо помнила, он пролетел каким-то веселым, шумным, ярким метеором и исчез навсегда. Но и то, что она запомнила, не оставило глубокого следа: как и все остальное в своей недолгой жизни, отец не воспринимал и её всерьез, – шутов-

ство и насмешливость его общения скрывались под маской простоты и искренности.

На каком-то этапе своего взросления Зина просто устала. Устала добиваться похвалы, устала доказывать свою значимость, устала от регулярно демонстрируемых фактах её незначительности и бесталанности, а больше всего устала от своих тщетных попыток доказать обратное. Зина приняла решение уехать от матери, и чем скорее, тем лучше. Она, как ей казалось, совсем перестала мучиться по поводу того, что скажет ей Галина Аркадьевна. И эта интуитивно применяемая Зинкой незнакомая ей тактика оказалась самой верной. Только отделившись от матери, Зина свободно вздохнула и шагнула в новую жизнь легко и смело. Никому не нужно было ничего доказывать, никто её ни с кем не сравнивал, ни у кого не нужно было выпрашивать похвалу, можно было оставаться самой собой, не тянуться из всех сил за недостижимым идеалом, и не казаться тем, кем ты, на самом деле, не являешься. По прошествии некоторого времени, оказалось, что Зина не такая уж и серая мышка. Девушка была неплохо сложена, являлась обладательницей безупречно-матовой кожи и светло-голубых глаз. Имея от природы красивую форму ног, умело подчеркивала это мини. Она сделала модную стрижку и умудрялась на крошечную стипендию выкраивать себе наряды. Оказалось, что у неё хороший вкус. Она прекрасно разбиралась в том, что идет, а что нет. Девчонки в общезнании часто обращались к ней за советом. К тому же,

материнская школа не прошла даром: у Зинки было редкостное трудолюбие и настойчивость. Кроме того, она умела слушать, и была отличным другом. Все эти качества, за которые Зинаиду Евгеньевну будут уважать, и ценить в течение всей её жизни, не появились вдруг, они присутствовали в ней изначально, но находились в зачаточном, угнетенном состоянии. Уверенность в её приземленности матери и насмешливо-поверхностное отношение отца привели к тому, что Зинаида и сама была весьма невысокого мнения о своей персоне. И только покинув родительский дом, с единственной мыслью: «Навсегда!», она стала знакомиться с собой, окружающим миром и своим местом в нем. И неожиданно сама себе понравилась. Позже она увидит закономерность: это работает только до тех пор, пока рядом нет матери. Как только на авансцене проявлялась Галина Аркадьевна и в очередной раз на слова дочери готова была махнуть рукой, не удостоивая её объяснением или произнести свое коронное: «Не мели ерунды, Зинаида!», как она опять становилась ни на что не способной, маленькой, невзрачной девочкой.

Знакомство с Валерием совпало с расцветом её женственности, который, к сожалению, был совсем непродолжительным, и довольно скоро трансформировался в устойчивый образ женщины-матери. Зина с Валерой были очень похожи. Он, как и она, был робким, тихим, немногословным, и также, как Зинка мечтал скорее покинуть родительский дом. Конечно, на подрастающем мальчишке не могло не сказать-

ся разрушающее влияние отца-алкоголика. Становление его личности происходило в атмосфере лютой ненависти к отцу, постоянного страха, обиды и боли за мать, жалости к маленькой сестренке. В итоге, к моменту знакомства со своей будущей женой, мировоззрение его сформировано было с довольно большими перекосами. Валерий фанатично пропагандировал здоровый образ жизни, это была одна из весьма немногих любимейших тем, на которые он мог говорить часами. Валерий Михайлович, имея от природы весьма некрепкое здоровье, разработал ещё в юношеские годы целую программу оздоровления собственного организма, чем весьма активно и занимался всю жизнь, вовлекая в этот процесс в добровольно-принудительном порядке и своих домочадцев. Любой человек, который не разделял безоговорочно его взглядов, или не дай Бог, имел вредные привычки, к коим Валерий Михайлович спокойно мог отнести и второй бокал вина за праздничным столом, элементарно переставал для него существовать. Своеобразным, и очень четким, было у него отношение и к женщинам. Он разделял их на две неравномерные группы: в первой были его мать, и отчасти, жена, в другой – все остальные. И если в молодости, такие недостатки, как ревность, обидчивость, злопамятность, скупость носили слегка акцентуированную форму, то с возрастом они же превратились в тяжелые комплексы. Но Зина ничего этого знать не могла, а если бы и могла, то вряд ли захотела. Она увидела высокого и симпатичного парня, с милой,

скромной улыбкой, с которым она познакомилась на Иркиной свадьбе, и уже во время второго танца знала, что он станет её мужем. Так иногда бывает. Открывается внутреннее зрение и совершенно четко приходит осознание того, что это твой человек. Он не лучше, и не хуже других, и неизвестно будешь ли ты с ним счастлива, но он твой. Предназначенный. И сделать с этим ничего нельзя, да и не стоит. Все это пронеслось у Зинки в голове, она осознала это, приняла и совершенно успокоилась. Любовь мягко опустилась на Зинаиду и попала на благодатную почву: она засветилась глазами, и едва ли не впервые в жизни почувствовала себя уверенной, желанной и единственной. Валерке тоже понравилась миловидная и скромная подружка невесты на свадьбе его однокурсника. Они сидели рядом за столом и смотрели на танцующие пары. Валерка ужасно конфузился, не знал что сказать, от этого чувствовал себя еще хуже, и вдруг Зина сама повернулась к нему и тихо спросила: «Может, потанцуем?» Все основательно и конкретно стало двигаться в сторону заключения брака, когда мама Валеркина после знакомства, одобрила выбор сына: «Женись, сынок. Правильная девушка».

Ульяна Дмитриевна уже тогда плохо себя чувствовала и стремилась передать своих детей в любящее и заботливое окружение, которое по её мнению, способна была дать только семья.

Когда родилась Женька, молодой отец не мог скрыть легкого разочарования. Он был уверен, что как и у него в семье,

первым родится сын, его копия. Но родилась дочь, причем совершенно на него не похожая, вся в какого-то неведомого первого мужа ненавистной ему тещи.

Он ни за что не согласился бы ещё и назвать свою дочь в честь этого человека, но Галина Аркадьевна, произнося тост за новорожденную Евгению и счастливо улыбаясь, добавила: «Ну, зять, сдавай на права, – хватит пешком ходить!» Валерий Михайлович не без оснований считал себя принципиальным человеком с обостренным чувством собственного достоинства: но тут сердце его дрогнуло: ГАЗ – 24, давно вынашиваемая и лелеемая им голубая мечта – «Волга»! Он уже давно посчитал, что самим копить на эту машину, причем находясь в режиме жесткой экономии (ну, это он умел), придется лет шесть или семь. Стоять в очереди примерно столько же. Да и то не факт, что ему достанется талон на такой остродефицитный товар, не такую он занимал должность в своей типографии. Кроме того, в этом отношении у Валеры тоже был, что называется «пунктик». Он видел себя за рулем только «Волги». А это больше восьми тысяч!!! Сослуживцы крутили пальцем у виска: да какая разница, лишь бы машина была. Валерий презрительно кривил рот: что вы понимаете, мне нужна только «Волга»... И вдруг! Валерий не верил своим ушам: оказывается, имеющий обширные товарищеские и деловые связи Николай Петрович, который и сам уже много лет ездил на белой «Волге», вскоре отправлялся в Грузию, и там с помощью своего бывшего сослуживца и хорошего при-

ателя намеревался приобрести автомобиль вожаделенной зятем марки. Валерий не стал вдаваться в тонкости коммерческих хитросплетений, которые, безусловно, придется разрешать Николаю Петровичу, только встал и, задыхаясь от волнения, произнес:

– Я все до копейки верну, только не сразу, – Валерий обескуражено тряс широкую ладонь Николая Петровича, – Спасибо вам! И вам, – Валера повернулся к теще, – ...Галина Аркадьевна, ... спасибо! Когда Женьке было полгода, в семье появилась черная «Волга».

Женя росла практически беспроблемным ребенком. Зинаиду только утомляла и раздражала излишняя, так ей казалось, живость, почти безостановочная говорливость и неуёмная любознательность дочери. Девочка много времени проводила на даче с дедом и бабушкой. Зинаида в этом случае испытывала противоречивое двойственное чувство: недовольства и облегчения. С одной стороны, ей не нравилось, что Женька так стремится туда. С другой – было приятно, что дома чисто и тихо. Это очень ценил её муж. А то, что было важным для него, априори становилось важным и для неё. Тем более что она чувствовала себя виноватой в том, что не смогла подарить Валерию первенца мужского пола. Ярослав родился только через шесть лет, зато действительно являлся точной копией своего отца: те же тонкие черты лица, тот же рассеянный взгляд карих глаз. В роддоме Зина все время улыбалась и плакала одновременно. Ей говорили, что у неё

послеродовая депрессия. Но она знала, что это от избытка любовной неги. – От нежности, – объяснила Зинаида мужу уже находясь дома. Трудно было бы найти двух более непохожих детей, чем родные брат и сестра. Женька и Ярик были категорически, абсолютно разные. Если глядя на Женьку, Зинаида вообще сомневалась, – действительно ли она её родила, то в младшем сыне невооруженным глазом было видно органичное сочетание внешности отца и характера матери. Если Женька – это огонь, фонтанирующая энергия, харизматичность, жизнерадостность, – при своем росте – 165 см, (пожалуй, единственное, что она унаследовала от матери), она мгновенно заполняла собой любое пространство, в котором находилась, то её брат – тихая заводь, сосредоточенность и дисциплина. С раннего детства Ярик коллективным мероприятиям предпочитал спокойные игры в одиночестве. В детском саду до пяти лет вообще ни с кем не разговаривал, мог с одной и той же игрушкой молча просидеть весь день. Зинаиде, которая работала в этом же саду, с тех пор как Женьке исполнилось полтора года, советовали показать мальчишку специалистам, намекая на его психическое отклонение, но Зина отмахивалась: «Все нормально, я такая же была!» Женька время от времени тормозила брата, пытаясь увлечь то одним, то другим, мать кидалась на защиту:

– Отстань от него со своими глупостями! Женька возмущалась:

– Да он у вас спит на ходу, ему семь, а кажется, что семь-

десять!

– Не равняй всех по себе, – советовала мать, – он просто серьезный и уравновешенный...

Галина Аркадьевна к внуку относилась настороженно и часто не знала, как себя с ним вести. Зинка обижалась за сына и однажды упрекнула мать, когда та, отправляясь на дачу, приехала забрать Женьку.

– А Славика что ж больше не приглашаете? – спросила Зина, помогая собраться дочке.

– Ой, не знаю, дочь, ... ему не интересно там, что не предложишь, ничего не хочет, ну его совсем, ей-Богу, – со свойственной ей прямоотой и безапелляционностью ответствовала Галина Аркадьевна. Её дочь закусила губу, волна обиды и знакомой с детства горечи, усиленная в несколько раз, потому что сейчас это касалось её мальчика, такого славного, послушного и милого, накрыла её с головой. Чтобы скрыть охватившее волнение, Зинаида, опустив голову и не глядя на мать, лихорадочно складывала в Женькин рюкзак её шортики, трусики, книжку с рассказами Н. Носова, которую дочка сейчас читала, любимый сарафанчик с «крылышками», носки, куртку на случай дождя, что-то ещё, чего сама Зина уже толком не различала. Ладно, небось, не к чужим людям отправляется, разберутся, если что-то забыла... Закрыв за ними дверь, она вошла в детскую, где на ковре мастерил что-то из железного конструктора Ярослав. Зина присела рядом, с едва повернувшим к ней голову ребенком, – Ну весь в от-

ца, – умилилась Зина.

– Славик, Женя уехала с бабушкой на дачу, ну и пусть, а мы с тобой, в воскресенье пойдем в Дом пионеров, там детский спектакль будет «Аленький цветочек» – хочешь?

– Лучше в планетарий, а на дачу я не хочу, там комары и ночью страшно, дедушка Коля хрипит, и громко стучит палкой, а тебя нет...

– Ах, ты ж мой комарик золотой, дедушка не хотел тебя пугать, он просто болеет, – Зинаида обхватила сына за плечи, развернула к себе и поцеловала вмакушку. Она подумала, что уже на следующий год ему в школу, а он такой маленький, такой домашний и такой наивный. Зина всерьез думала перейти на работу в школьную столовую, чтобы быть поближе к Славику. У Ирины, её подруги были связи в горно, она ей обещала помочь. Валерий был категорически против, обвинял её в том, что она своей чрезмерной опекой и заботой портит мальчишку, превращает его в маменькиного сынка. Всегда считая главным и правильным мнение супруга, в этом вопросе, Зинаида была непреклонна. Что он понимает, думала Зина, Славик ребенок особенный, ранимый и впечатлительный. Как можно его одного, такого хрупкого, совать в школьную клоаку. Мужа интересует только его машина, его парники, где он выращивает экологически чистые огурцы и помидоры, а оставшееся время тщательно распределяет между работой, просмотром телепередач и чтением научно – популярных статей в журнале «Здоровье», «За ру-

лем» и самиздатовских многочисленных брошюр околеме-
дицинского направления.

Ярик пошел в первый класс, а Зинаида практически одно-
временно с ним приступила к работе в этой же школе. Учил-
ся он почти также хорошо, как и Женька, только достигали
этого они по-разному. Женьке все давалось легко, имея ве-
ликолепную память и развитое мышление, она на пригото-
вление уроков тратила минимум времени. Её брату же для
освоения того же материала нужно было в два раза больше
времени. То есть он добивался хороших результатов благо-
даря своей усидчивости и многократному повторению. Ро-
дители не могли нарадоваться на сына: тихий, спокойный,
аккуратный. Не надо повторять, как бывало Женьке, о до-
машнем задании пять раз. Наоборот, нужно было заставлять,
чтоб вышел, хоть немного погулял. Тогда как его сестру, на-
против, трудно было загнать домой. Вообще, в этой семье
тишина и порядок являлись синонимами понятия «счастли-
вая семья». Валерий Михайлович, с возрастом все больше
замыкался, уходил в себя, общение с домашними сводилось
к минимуму и касалось исключительно бытовых и финансо-
вых вопросов. Зинаиду раньше это расстраивало, беспоко-
ило, но затем она смирилась и даже стала находить в этом
плюсы: не пьёт, деньги зарабатывает, нервы не мотает, в её
дела не лезет. Конечно, и дом, и огород, и дети были на ней,
муж как-то очень быстро самоустранился. Но Зинаиде, не
боящейся никакого труда, так было даже легче. Справедли-

вности ради нужно сказать, что не без помощи своей жены, Валерий Михайлович, все больше отстранялся от участия в воспитании. К дочери он с самого её рождения чувствовал какую-то отчужденность, какую-то стену, которая год от года росла и мешала их сближению, но с сыном он был уверен, что все будет по-другому. Но здесь уже стеной между ними стала Зинаида. Когда Ярослав в четыре года заболел крупозным воспалением легких, Зинаида, чуть не лишившаяся рассудка во время его болезни, категорически запретила мужу даже приближаться к сыну с его закаливающей программой. Как ни старался, Валерий растолковать, что она оказывает Ярику медвежью услугу, запрещая гимнастику на свежем воздухе и водные процедуры, он не смог её переубедить. Затем эта история с внедрением супруги в школу (именно так он говорил об этом событии), а впоследствии бесконечные справки, – липовые и не очень, с освобождением сына от уроков физкультуры.

– Ты пойми, наконец, от чего ты его бесконечно освобождаешь, – непривычно повышая голос, шумел Валерий Михайлович, – от единственного урока, где ребенок может двигаться, бегать, прыгать, – он нервно шагал по комнате, – От *чего* ты его защищаешь?! От здоровья?!

Но Зинаида Евгеньевна была неумолима. Такого сопротивления от обычно робкой и покладистой жены, Валерий Михайлович не ожидал. И отступил...

В том смысле, – делайте вы что хотите, я вас предупре-

ждал и за последствия не отвечаю. Ярослав был действительно «мамин» сын. Отца он не понимал и побаивался, от сестры уставал и только с Зинаидой чувствовал себя комфортно, когда она была рядом, но не слишком близко и молча. Им втроем, – Ярославу и его родителям, несмотря на отсутствие близости, и душевной теплоты было весьма комфортно. Валерий Михайлович либо занимался вопросами обогащенного витаминами растениеводства в теоретической или прикладной его части, то есть непосредственно на огородном участке, либо возился с машиной, либо сидел у телевизора с журналом в руках. Зинаида никогда не сидела «просто так», всегда что-то делала: готовила, убирала, подшивала, белила, кормила, мыла, чистила, красила и даже вязала. Ярик тихо возился в детской, которую до сих пор делил с сестрой, что причиняло обоим сильное неудобство и дискомфорт. У Зинаиды были корыстные планы на пристройку, где жила золовка Рая. Прикидывала, может, выйдет девка замуж, да и съедет по-тихому к мужу. И в пристройке можно будет устроиться дочке. И Славик, наконец, получит свою комнату, целиком. Но Райка, не будь дура, не только никуда не съехала, а совсем наоборот, привела на свою территорию мужика и сожительствовала с ним на глазах родного старшего брата и его малолетних детей. Ко всему прочему, как только они вместе с безработным Анатолием, что называется, «доходили до кондиции», Раиса стремилась в обязательном порядке выяснить у Зинаиды, почему та её «не уважа-

ет», намекала на ожидающееся у неё в скором времени множественное пополнение семейства, и требовала раздела имущества.

– По-честному, – верещала она, раскачиваясь посреди двора, – а то, понимаешь, сами в хоромах, а меня, эт самое, как пса шелудивого, чуть не под забор...

– Не перестанешь вести такой образ жизни, там и окажешься! – не выдерживала Зина.

Райка будто этого и ждала, тут же взвивалась пестрым барачно-матерным фейерверком. Когда Зинаида жаловалась мужу, тот морщился, как от сильной боли и обещал поговорить с сестрой. Женька почти физически ощущала нехватку воздуха, находясь в родительском доме. И стремилась, по мере возможности, сократить своё пребывание в нем.

4

Женя училась уже на втором курсе и жила у бабушки. По официальной версии потому, что от Галины Аркадьевны, проживающей в городе, до института было гораздо ближе и удобнее добираться, чем из Женькиного пригорода. К тому же матери Зинаиды было уже под семьдесят и в этой связи, помощь и даже обычное присутствие рядом близкого человека, были бы совсем не лишними. Но на самом деле, переезд, который планировался, но все время откладывался по тем или иным причинам, случился внезапно, после ужасной ссоры с отцом в день Женькиного восемнадцатилетия. Отец с матерью с утра её поздравили и подарили черное драповое пальто и зимние сапоги. Отец при этом произнес целую речь, в которой было много всего: и то, что теперь она совершеннолетняя, и то, что они долго с матерью копили, буквально отказывая себе во всем, чтобы одеть свою дочь-студентку, и конечно, она же понимает, что уже взрослая, и, что больше такие подарки они позволить не смогут, ведь, не забывай, что у тебя есть младший брат, и что родители в её возрасте уже зарабатывали на жизнь самостоятельно и прочая, и прочая. Женька поблагодарила обоих и расцеловала, а заодно сообщила, что идет вечером отмечать день рождения с друзьями в кафе. Отец, собиравшийся уже покинуть комнату, замер, как английский пойнтер, засекший дикого

селезня, и тут началось... Валерий Михайлович, не стесняясь в выражениях, поинтересовался, – откуда у неработающей студентки могут быть деньги на кабак, да ещё в таком количестве, чтобы угощать целую толпу бездельников.

– Это возмутительно, вести себя подобным образом, зная, как нам приходится экономить, – бушевал Валерий Михайлович, – Мать, ты видишь, кого мы вырастили! Да ты знаешь, кто посещает такие места? Бандиты и проститутки!

– Во-первых, не кабак, а кафе, во-вторых, – еле сдерживаясь, цедила сквозь зубы, бледная Женька, – во-вторых, я не прошу у тебя денег, и никогда не просила, даже, когда мне было одиннадцать! Уже тогда я знала, что это бесполезно, в-третьих, я кое-что отложила со стипендии, в – четвертых, мои друзья не бездельники, а студенты медицинского института, будущие врачи и, в-пятых, это они скидываются, у нас так принято.

Женька вскочила и стала заворачивать подаренные родителями пальто и сапоги, под аккомпанемент отцовского крика:

– Ты слышишь, как она разговаривает! Зинаида! В моём собственном доме, меня оскорбляет родная дочь. А все эти её идиотские поездки на дачу и общение с твоей безумной мамашей, полюбуйся теперь, я тебя предупреждал, это не доведет до добра... Она уже сколько раз заявлялась поздно, и разило от неё спиртным! – Валерий Михайлович начал задыхаться и сел на стул. Перепуганная Зинаида уже бежала к

нему с каплями.

– Не трогай бабушку, если бы не она с дедом, у меня вообще детства бы не было... Я бы... свихнулась тут с вами,... окончательно, – упавшим голосом сказала Женька, и, завернув, наконец, пальто, обратно, в бумагу, водрузив на него коробку с сапогами, она все это очень быстро отнесла в комнату родителей, и, уже из коридора, натягивая пуховик, жестко произнесла:

– Да, и сегодня я буду пить шампанское, ведь именно так поступают проститутки и бандиты, так ведь, папа? – обернувшись у входной двери, глухо добавила, – Не нужны мне ваши подарки, обойдусь.

В этот же день она переехала к бабушке. Галина Аркадьевна встретила Женьку сдержанно, поговорила с ней на счет того, что «родителей не выбирают», и что «не судите, да не судимы будете», и все в таком же духе. Но в глубине души, была рада, определила Женьку в гостиную, велела обустроиваться по своему усмотрению, сама переехала в спальню, а дочери по телефону сказала, как отрезала:

– Пусть живет у меня и спокойно учится, а что касается твоего Валерия Михайловича, – переживет, напомни ему, что нервные клетки не восстанавливаются, а Евгешу я понимаю, рядом с ним и тесто киснет.

Учиться было трудно. Особенно вначале, тогда она дважды пересдавала анатомию, и её чуть не отчислили. Сейчас Женька более-менее освоилась, втянулась, и хотя, ей мно-

гое казалось наносным и лишним, она понимала, что с выбором профессии не ошиблась, что находится на своем месте. Трудно было ещё и в психологическом плане, в её группе были мажоры, папенькины дочки-сыночки, подъезжавшие к институту на личных автомобилях. Общались они исключительно друг с другом, редко снисходя до простых смертных вроде Женьки и нескольких её сокурсников. Она злилась на себя из-за того, что это задевает её гораздо сильнее, чем ей бы хотелось. При всем своём желании она не могла даже приблизительно одеваться так, как они. Бабушка, конечно, подкидывала кое-что из своей небольшой пенсии, но этого было явно недостаточно, чтобы выглядеть хотя бы отдаленно, так как, например, Алина с её курса, дочка «скромного» работника Минздрава.

Жизнь стремительно менялась вокруг неё, наступил 1990 год. Румыния первой из стран Восточной Европы и бывших членов Организации Варшавского договора запретила Коммунистическую партию, а в Баку начались армянские погромы. 20 января был совершен ввод советских войск в столицу Азербайджана – Баку. 15 марта Михаил Горбачев принес присягу в качестве президента СССР, а 3 апреля во Львове впервые официально был поднят желто-голубой флаг. Бывшие советские республики друг за другом объявляли о своей независимости и суверенитете. Но все эти события Женькой были едва ли замечены, жизнь вокруг неё была ключом, наступила её восемнадцатая весна, которая была чудо, как

хороша и прекрасна, а самое главное: к окончанию второго курса, она без памяти влюбилась в своего однокурсника Лёню Соколовского. Лёнчик был хорош собой, умен и элегантен. И прекрасно знал об этом. Женьке очень льстило, что он стал явно оказывать ей знаки внимания, ведь он был из группы «золотой молодежи».

Они стали встречаться. Лёня был сыном довольно известных в крае художников-пейзажистов. Он в буквальном смысле вырос в художественной мастерской, и сам неплохо владел кистью, но после того, как пять лет назад умер его отец, с поставленным ему наспех, размытым и фальшивым диагнозом «сердечная недостаточность», твердо решил идти в медицинский. Окружение в котором рос маленький Лёня, влияние творческой, богемной обстановки с раннего детства сформировали не только его характер, но отражались даже в его внешности, манере говорить и одеваться. Его уверенность, открытость, абсолютная неспособность подстраиваться и угождать, кому бы то ни было, невероятно подкупали Женьку. Казалось, он лично был знаком с сильными мира сего, или как минимум, собирался это сделать в самое ближайшее время. Когда намного позже Женя не раз задумывалась, чем все-таки привлек её Леонид, пробудивший в ней такое неведомое ранее чувство, она поняла, что в первую очередь, – своей внутренней свободой. Совсем немногие его ровесники, да и большинство взрослых людей могли бы тогда похвастаться этим качеством. Это Женьке очень импо-

нировало. Она и в себе чувствовала яростное сопротивление против запретов и ограничений, касающихся её прямо или косвенно ещё с эры вступления в пионерскую организацию. Да, – размышляла Женька, – именно личностная свобода. Здорово, конечно, что к ней прилагаются красивая внешность, высокий рост и безупречный вкус, но это не главное. Если совсем не трудно было понять, что привлекало её в этом человеке, то Жене казалось непостижимым, что такой парень из множества вариантов, безусловно, имевших место в его жизни, выбрал, почему-то, её. Она вспомнила, как холеная и красивая Алина, недавно поравнялась с ней при входе в главный корпус института, презрительно смерила её взглядом и менторским голосом произнесла:

– И что Лёнчик в тебе нашел? Не понимаю, как можно находиться рядом с девушкой, которая носит сапоги из коззама, – Алина обогнала задохнувшуюся от обиды Женю и, обернувшись, ехидно добавила, – К тому же грязные...

Глупенькая Женька и не подозревала, что к своим двадцати двум годам Леонид прошел такую школу жизни, что ей даже не снилось. В семнадцать лет это был уже весьма искушенный в вопросах взаимоотношений полов и испорченный предоставляемой его родителями неограниченной свободой, граничащей с безразличием, пресыщенный юнец, который не просто не имел представления, чем бы ему хотелось заниматься в жизни, но даже не брал на себя труд об этом хотя бы подумать. Жизнь представлялась Лёне, как вечный

праздник, как великолепная постановка гениального режиссера, где меняются только сюжеты, декорации и второстепенные роли, а главный герой-победитель, – всегда он – Леонид Соколовский. Все изменилось, когда от передозировки умер его отец. Он знал, что его родители наркоманы, в их среде этим было никого не удивить, слышал и о весьма экстравагантных летальных случаях, но никогда ещё смерть не касалась его так близко. Кроме родителей у Лёни никого не было. Отец – сирота, воспитанник детского дома, со своими родственниками мать отношений не поддерживала. Когда это случилось, Лёня почувствовал себя обманутым, растерянным и опустошенным. Они с отцом мало интересовались жизнью друг друга, вряд ли Игорь Соколовский хотя бы примерно знал, чем интересуется его сын, и в каком классе он учится, но наличие живых родителей, как бы автоматически являлось гарантом его, Лёниной, беззаботной и яркой жизни. А теперь праздник закончился. «Почему, почему, почему», – стучало в голове у Лёни, когда, похоронив отца, он лежал, вторые сутки у себя в комнате и плакал навзрыд, до икоты, как не плакал даже в детстве. Ему мучительно было вспоминать безобразную сцену на поминках, когда он, пьяный, кричал матери, что это она виновата в смерти отца, так как, не разрешила вызвать скорую. Слава Богу, он не все помнил, он видел то отца с лилово-синюшным лицом и выпученными глазами, который тянул к нему руку и жутко хрипел, то себя на поминках в уборной, где его мучи-

тельно выворачивало наизнанку, и это было странно, потому что алкоголь появился в его жизни лет в тринадцать, и был для него привычен. Ещё всплывали эпизодически какие-то женщины, которые долго пытались умыть его над большой раковиной. Лёне больше текло за рубашку, он вздрагивал и смеялся, как дурак... Он вспомнил, как сидел на маленьком приставном стульчике, его била нервная дрожь, он уткнулся в огромную теплую плиту, гладил её и тихо плакал. Ну и, конечно, он помнил Элеонору Соколовскую, блистательную Элю, как её называли многочисленные друзья и поклонники, – свою мать. Он её всегда помнил, даже когда она была совсем рядом, как сейчас, в соседней комнате, своей мастерской.

– Наверняка уже в отключке, – думал Леонид, продолжая всхлипывать и сотрясаться всем телом от рыданий, – Ну и пусть, так ей и надо... – успело пронестись в его голове и он провалился в сон настолько глубокий и неподвижный, как будто в его сознании кто-то выключил рубильник, отвечающий за всю его жизнедеятельность.

Элеонора – донская казачка, закончила Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и была направлена на работу в Ставропольский драматический театр, ассистентом художника. Элеонора прибыла сюда в возрасте девятнадцати лет. Она была удивительно хороша. Густых волнистых волос ярко-рыжего цвета в сочетании с зеленою глаз и белоснежной улыбкой было бы вполне достаточно, чтобы сделать

её заметной даже ночью. Но Эля обладала ещё и пленительными формами, от которых шлакругом голова не только у желторотых студентов, но и вполне себе респектабельных, морально устойчивых партийных работников. Как раз с одним таким сотрудником училища, выплыла наружу некрасивая история, в которой Элеонора пыталась с его помощью добыть себе свободное распределение не вполне корректным и не достойным советской девушки-комсомолки способом. Скандалпостарались замазать, перепуганный задним числом парторг отделался строгим выговором. Элю спасло её железобетонное рабоче-крестьянское происхождение, направление на учебу, подписанное председателем совхоза-передовика, определенные художественные способности и её показательное раскаяние с застывшими, но так и не пролившимися слезами в изумрудных глазах на комсомольском собрании. Вручая ей диплом вкупе с направлением в краевую столицу, зам. директора шепнул, что на большее в её ситуации рассчитывать не приходится.

– Какое у вас редкое и красивое имя, – сказал ей помощник режиссера, с трудом отводя взгляд от груди Элеоноры, – Родители так называли?

Эля, как большинство рыжеволосых, легко покраснела и имела белоснежную кожу. Сейчас она решила, что для этого самое подходящее время, потупила глаз, порозовела щечкой и ответила: «Отец. Ему нравилось все такое, – Эля неопределенно помахала в воздухе левой ручкой, – Но вообще так

звали первую жену Федора Ивановича Тютчева» – Эле хотелось показать свою осведомленность. Мужчина хмуро кивнул, еще раз быстро скользнул тяжелым взглядом по Элиному декольте и произнес:

– Работать начнете вместе с Соколовским, талантливый художник, но сложный, неорганизованный человек, – он, остановился, внимательно посмотрел на Элю и сказал, выстреливая фразы, – Сначала на подхвате. Приглядывайтесь, запоминайте, слушайте. Работа ненормированная. Привыкайте. Жить будете в общежитии, ордер на заселение возьмете в приемной. Он встал, молча глядя на неё, как бы намереваясь что-то ещё добавить, но в последний момент передумал, и просто весьма сухо пожелал удачи и взялся за телефонную трубку, давая понять, что разговор окончен.

– Ах ты мой лысенький пупсик, – заливалась внутренним смехом Эля, когда вышла из кабинета помрежа, – Какие мы важные начальники и серьезные дяди, а сам еле встал, потому что все распухло внизу от вожделения!

Да, этой девушке был совсем не чужд высокопарный стиль даже в весьма пикантных ситуациях, она была «грековкой», выпускницей знаменитой художки, кроме того, Элеонора считала, что ей это идет, и часто использовала подобные выражения в своей речи, не всегда, правда, задумываясь, над тем насколько они уместны. Эля вообще не часто затрудняла себя раздумьями над чем-либо. Но совсем не потому, что была глупа, как можно было бы предположить. Совсем нет.

Просто она считала это напрасной тратой времени и сил. Жизнь и без того быстротечна. А женский век и подавно. Молодость проходит, красота увядает. Больше всего Элеонора боялась старости и уродства. Больше всего ценила радость и удовольствия. А из всех радостных удовольствий выделяла чувственное наслаждение. Она была эротична и сладострастна до мозга костей. Бог знает, как случилось, что в глухой казачьей станице, в Ростовской области, у пожилых неграмотных родителей, восьмым по счету, но четвертым выжившим ребенком появилась на свет, ни на кого и близко не похожая девочка с изумрудного цвета глазами, которую называли неслышанным и претенциозным для тех мест именем Элеонора. Где, и, главное, у кого могла научиться маленькая Эля, медленно и жеманно убирать со лба непослушную рыжую челку, вскидывая на собеседника исподлобья ярко-зеленый взгляд и светиться лукавой, какой-то нездешней улыбкой? Вряд ли кто-то мог вразумительно объяснить, почему её родной отец выходил из себя, не понимая, что происходит, когда ловил этот взгляд на себе и, топая ногами, кричал, как заполошный: «Выйди из-за стола, паршивка! Я тебе устрою счастьяделки!» Любимым уроком у Эли было рисование, а учителя рисования и черчения – щуплого, поджарого Антона Ивановича, она просто боготворила. Он первый заметил её несомненные художественные способности, а, как мужчина, и, как человек творческий, не мог не отметить превосходной женственной фактуры. В свободное от препода-

давательской деятельности время, Антон Иванович рисовал пейзажи. О чем и поведал однажды любимой ученице. УЭ-ли загорелись глаза, и она попросила взять её в следующий раз с собой. Примкнуть, так сказать, хотя бы отдаленно прикоснуться к святому искусству... Строго говоря, это Элеонора, как набоковская Лолита соблазнила Антона Ивановича, только Эле было четырнадцать, а не двенадцать. Также как Гумберт у Лолы, бедный учитель отнюдь не был у неё первым. Но в отличие от европейского писателя Гумберта Гумберта, Антон Иванович, находясь в полном отчаянье и ужасе от свершившегося этого даже не заметил.

Как совершенно не помнил тот момент, когда она оказалась у его мольберта, и, втиснувшись между ними Антоном Ивановичем, прижалась всем телом, запустив горячие руки, с ловкими тонкими пальчиками, ему под свитер. Они были на опушке рощицы, которая являлась весьма посещаемым в станице местом, и только благодаря удачному стечению обстоятельств, их тогда никто не заметил. Потом он долго сидел на собственной куртке, раскачиваясь и обхватив голову руками, а Элеонора старательно приводила в порядок себя и своего учителя.

С огорчением рассматривая пятно от травы на юбке, она ласково успокаивала Антона Ивановича, как мать, вынужденная многократно разьяснять своему неразумному отпрыску очевидные вещи:

– Не надо так убиваться, ведь ничего страшного не про-

изошло, я вас с пятого класса люблю, честное слово,— Элеонора, вскочила на ноги и упруго потянулась всем своим юным телом, — Давайте, я вам помогу встать, пора собираться. Она, наклонив голову, смотрела на свой рисунок:

— А здорово у меня эти березы вышли, правда, Антон Иванович? Он медленно поднял голову и долго смотрел на неё снизу вверх, взглядом, в котором читалось отчаяние, недоумение, раскаяние и страсть.

Полтора года, до самого окончания восьмого класса, они регулярно встречались. Свидания всегда назначала Элеонора. Он не выказывал ни протеста, ни особого желания. Полноруко соглашался. Но только до той секунды, пока она не подходила вплотную к нему, не обхватывала его лицо руками и не принималась жадно целовать. После этого у Антона Ивановича наступало какое-то помрачение рассудка, этот уважаемый педагог, сорокалетний женатый человек, отец троих детей, не помня себя, тонул совершенно в объятиях этой девочки, своей ученицы, не испытывая ранее, да и никогда потом, большего наслаждения в жизни.

Окончивший сам художественное училище им. Грекова, будучи истовым «грековцем», Антон Иванович, не только посоветовал это учебное заведение Эле, но и выступил её своеобразным протеже. Его там знали и уважали, помнили по некоторым работам, принимавшим участие в союзных выставках, и считали, что он закапывает свой талант, работая в далекой станичной школе простым учителем рисова-

ния. Эля легко поступила и с головой окунулась в бурлящую, многоликую и насыщенную студенческую жизнь в большом городе. Антон Иванович после отъезда Эли дважды приезжал к ней, но оба раза Элеонора выражала искреннее удивление и недовольство его появлением, о чем коротко и жестко сообщила во время их второй, как оказалось, последней встречи:

– Что было, то прошло, у меня теперь своя дорога, зачем вам ездить, – и, глянув, на него кокетливо и лукаво, как умела только она одна, со смехом добавила, – Я ведь не назначала вам свидания, Антон Иванович.

После этой встречи он страшно запил. Однажды в декабре, за пять дней до наступления 1965 года, он на рассвете вышел по нужде, в одном белье и валенках и пропал. Нашли его только на второй день, он сидел насмерть замерзший, привалившись к тоненькой березке, в нескольких метрах от той самой опушки, где два с половиной года назад произошло самое яркое и значительное событие, четко разделившее его жизнь, на «до» и «после», и знаменующее для Антона Ивановича начало конца.

Элеоноратак никогда и не узнала об этом, а если бы ей и стало известно, скорей всего, она пожалала бы своими точными плечиками, как бы отказываясь понимать, какие только глупости не вытворяют люди из-за форменных пустяков. Незадолго до этого из-за перитонита умерла мать Элеоноры, но у девушки настолько лихо закручивалась жизнь, – сума-

шедший роман с иностранным студентом политехакубинцем Алехандро, тайный аборт от него, улетные вечеринки, «травка» и алкоголь в неограниченном количестве, – что о полученной телеграмме, все это время валявшейся на подоконнике в общежитии, она вспомнила только через неделю после похорон. Отец публично отрекся от неё, пообещав собственноручно удавить неблагодарную, пустившуюся во все тяжкие, подколодную гадюку-дочь, если та вздумает появиться в отчем доме. Он запретил сестре и двум братьям Эли, даже упоминать её имя, а в случае ослушания угрожал проклятием. Все это ей пытался рассказать Антон Иванович, когда навещал её в последний раз. Элеонора лишь нетерпеливо и раздраженно фыркнула, в том смысле, что она очень сомневается, что ей когда-нибудь придет в голову тащиться в ту глухомань, к этим серым и забитым людям. Не больно-то и нужно!

Игорь Соколовский, молодой человек 29 лет, который расположился недалеко от театра, на лавочке в парковой аллее, и только что с большим удовольствием выпил бутылку рижского пива (то, что нужно после вчерашней попойки), не мог и предположить, какой сюрприз ожидает его за дверью театральной мастерской.

– Откуда ты, прелестное дитя!?! – спросил он, с восхищением разглядывая Элеонору.

– Из Ростова, ... работать с вами буду... вот ..., – вспыхнула Эля, положив на место эскизы, которые до его прихода

с любопытством разглядывала, – Очень здорово! – она кивнула на рисунки.

– Это для «Маскарада», обновить кое-что нужно, в сентябrevыходим в новом составе, так что подключайся, – Игорь! – шагнул он навстречу к девушке и протянул руку.

– Очень приятно, Элеонора..., – он держал её руку в своей и, по-видимому, не собирался отпускать, Эля не возражала ...

– А уж как мне приятно..., – Игорь, не отрываясь, смотрел на неё.

Эльвире стало неуютно под его взглядом:

– Арлекин бесподобен, но такой зловещий, страшнее Неизвестного – сказала она, чтобы сказать хоть что-нибудь, – А у Нины платье великолепное, но уж очень траурное, вы не находите?!

– Так и нужно, детка, – он помедлил, и добавил тихо, – этого и добивался... – он продолжал разглядывать Элю своими прозрачными, бутылочного цвета глазами и нахально посмеиваться. Для неё ситуация была непривычная, искреннее смущение было для неё чем-то новым и волнующим, – почему, интересно? – думала Эля. Прирожденная актриса Элеонора настолько привыкла к ведущей партии и своей всегда главенствующей роли, что сейчас растерялась и не знала, как себя вести. Что-то, безусловно, было в этом парне, который стоял напротив в мятых джинсах и не самых чистых кедах и похоже, вовсе не собирался падать в обморок от Элиной

неземной красоты.

«Это будет интересно, – пронеслось у неё в голове, – Достойный противник.»

– А, уже познакомились, – в мастерскую вошел помощник режиссера, – Соколовский, ты во сколько сегодня явился на работу? – он обошел стол, со сваленными на нем обрывками декораций, бумаги, красок, поднял и водрузил на стол ангела с поломанным крылом, несколько упавших разноцветных масок, затем подойдя ближе к Игорю, шумно потянул носом, – А вчера во сколько ушел?

– Геннадий Харитонович, у меня вообще-то среда – библиотечный день – Игорь, незаметно подмигнул Эле.

– Знаю я твою библиотеку, вот она у меня где, твоя библиотека, – он несколько раз энергично постучал по своему загривку, – В общем, у тебя теперь есть помощница, с 25-го начинаем прогоны, в первых числах сентября – генеральная. Чтоб все было готово через две недели, и смотри у меня... без глупостей...

Элеоноре и Игорю предназначено было встретить друг друга. Эти двое настолько органично и естественно смотрелись вместе, что становилось ясно: здесь целенаправленно действовали высшие силы, встреча их была определена Провидением и не зависела от их собственной воли и желания. Пожалуй, здесь можно было бы говорить и о любви, но лишь в той степени, на которую каждый из них мог быть способен. Но то, что это чувство было не только обоюдным, но и самым

ярким в их коротких жизнях – это совершенно точно. Игорь – дитя войны, на которой потерял обоих родителей, воспитывался в детском доме села Александровское Ставропольского края. В 1956 году он окончил образованное из бывшей фабрично-заводской школы ставропольское специальное ремесленное училище, которое, впоследствии, станет профессионально-техническим, а затем модифицируется в политехнический колледж. На этом своё образование Игорь считал вполне достаточным и был призван в ряды Вооруженных сил СССР. Именно в армии в полной мере раскрылись его сценические таланты. Он не только из бросовых материалов готовил потрясающие декорации к смотрам художественной самодеятельности, но и сам активно в них участвовал. Както ещё в первый год службы Игорь всего с двумя бестолковыми помощниками-новобранцами, подготовил все декорации к смотру-конкурсу, где их постановка «Кремлевских курантов» заняла призовое место. А матрос Рыбаков, в его, конечно же, исполнении, вызвал продолжительные овации. С тех пор, а также с легкой руки капитана, а за ним изамполита, рядовой, а перед увольнением в запас, сержант Игорь Соколовский стал бессменным художественным руководителем, гримером, звукорежиссером, декоратором и актером культурно-массовых мероприятий в рамках отдельной воинской части Вооруженных сил СССР. Ему нравилась эта работа гораздо больше, чем армейская муштра, кроме того, она давала ему некоторые поблажки: он всегда мог рассчитывать на

увольнительную, ему прощались какие-то дисциплинарные нарушения и т.д. Например, ротный, которого Соколовский убедил сыграть роль Ленина, и весьма талантливо подготовил его и загримировал, вообще считал Игоря выдающимся человеком, таким героем своего времени, тем более что в следующей постановке, жена этого командира с энтузиазмом играла Катерину в «Грозе» по А.Островскому, бросая на Игоря страстные взгляды. Так что тяготы и лишения армейской службы не особенно коснулись Игорька, он, лениво покуривая, и тщательно отбирая «актеров» для новых смотров, занимался тем, что ему нравилось, и тем, что умел. В армии он хорошо понял две вещи о себе, вытекающие одна из другой: ему нравится театр, а именно работа по его художественно – декоративному оформлению, и для того, чтобы эта работа была ещё масштабнее и приносила ещё больше экзистенциального удовлетворения и радости, ему необходима «травка». Первым его регулярно снабжало командование, а вторым сослуживец Умар, которому время от времени приходили бандероли из Средней Азии, где в числе прочего бывала странно пахнущая трава. Высокий, смуглый, с оливково-безупречной кожей Умар, хитро улыбался белоснежной улыбкой, и на вопрос Игоря, – что это, – подмигивая ему, как заговорщику, отвечал: – «Цай». Красавец таджик с легкой руки Игоря, уже несколько раз играл самого товарища Дзержинского, в которого моментально перевоплощался, как только, Соколовский его заканчивал гримировать и он

надевал шинель. Замполит из-за страшного акцента не разрешал ему разговаривать в инсценировках, поэтому Феликс Эдмундович в воплощении Умара, был чрезвычайно молод, статен, хорош собой, но суров и молчалив до крайности. По ходу пьесы он лишь отделялся, изредка, краткими и односложными репликами, – Но какая фактура! – вздыхала исполнительница роли Забелиной, библиотекарь Клавдия Васильевна. До конца службы за ним так и закрепилась кличка «Феликс», что чрезвычайно льстило его восточному самолюбию. Игоря с тех пор он считал не только своим другом, но и учителем, поэтому к его услугам было все, чем располагал сам Умар-Феликс, в том числе и «травка-цай», которую они весьма активно и безнаказанно употребляли, под видом махорки с ещё двумя-тремя приближенными. Что касается Игоря, нужно сказать, что это семя упало в довольно подготовленную почву. Ранняя и почти мгновенная склонность к зависимости любого рода была включена в саму структуру его личности. Курить он начал с одиннадцати лет ещё в детстве, в училище регулярно сильно напивался. В октябре 1956 года поехал в Москву на выставку Пабло Пикассо, это было одно из самых пронзительных и ярчайших событий его юности. Игорь был настолько потрясен увиденным, что не находил себе места, дневал и ночевал возле ГМИИ, в декабре поехал за выставкой в Ленинград, и стал одним из самых яростных паломников оппозиционной молодежи. Участвовал в митингах, против соцреализма, за свободу слова, был

дважды арестован.

Вернувшись с армии, понял, что гашиш, это игра в бильярд по сравнению хотя бы с «винтом». Много экспериментировал с транквилизаторами, особенно в сочетании с алкоголем, пока к началу шестидесятых прочно не «подсел» на опиаты. В отличие от многих приятелей-наркоманов, Соколовскому вовсе не были чужды и алкогольные радости. Причем Игорь и сотоварищи не больно-то и прятались. Видимо, в стране Советов, уверенно шагающей в коммунизм, действительно не было ни наркомании, ни секса, ни организованной преступности, ни расстрела в 1962 году трудящихся Новочеркасска, ни советских танков в Праге, ни многого другого.

Элеонора и Игорь расписались в январе 1969 года, а в июле у них родился сын Леонид. Игорь работал днем и ночью. Его картины только что вернулись с Всесоюзной ежегодной выставки, проходившей в 1968 году в Манеже, он снова готовил ряд работ, сразу к двум выставкам: всесоюзной – посвященной 25-летию победы Советского Союза в Великой отечественной войне и краевой – «Советский юг», которая должна была состояться уже через несколько месяцев. Кроме того, он хорошо подрабатывал, выполняя частные заказы. Элеонора в этих мероприятиях не участвовала, пыталась заниматься ребенком, но очень быстро охладела к этому, с легкой грустью констатируя мужу тот факт, что материнство – это не её. Игорь посоветовал не заниматься

ерундой и пригласить к младенцу няню. Именно в это время, в небольшой, полученной от театра квартирке Соколовских начинает формироваться усилиями экзальтированной, красивой и скучающей Элеоноры, некое подобие художественно-эпикурейского салона, который становится известным и в узких кругах даже популярным, в городе и окрестностях. Элеонора писала свои милые пейзажи, как она говорила «для души», но именно эти наивные березки и клёны, неожиданно вошли в моду и помогли семье выжить, в поздние застойные времена и сразу после развала Союза.

Поразительно, как два законченных эгоцентрика и наркозависимых человека, таких, как Игорь и Элеонора, вполне мирно сосуществовали друг с другом. Возможно, дело заключалось в том, что они были очень похожи. Каждый видел вдругом отражение себя, отлично знал, что понравится, а что разозлит вторую половину. А потому не лез, и не мешал. Это были, по-своему, очень гармоничные отношения. Семьей, в обычном понимании их назвать было сложно, тут царил анархия и полная свобода нравов. Пятая по счету няня маленького Лёнечки, была сообразительней своих предшественниц. Дабы ограждать ребенка от пагубного влияния чересчур раскрепощенных хозяев и гостей дома, и к тому же самой остаться в здравом уме в этом богемном окружении, она, с полного, и, возможно, чересчур торопливого согласия Элеоноры и Игоря, забрала трехлетнего Лёню к себе. Его родители могли видеть своё чадо лишь дважды в месяц, исклю-

чительно по утрам, когда эта мудрая и практичная женщина приходила с ним за деньгами.

Когда Лёне было восемь, его няня переехала к дочери в Подмосковьё, а мальчик вернулся к родителям. Он как-то удивительно органично вписался в эту среду. Очень быстро прошли стеснение и робость перед такими красивыми и такими неизвестными людьми – его родителями. Ещё быстрее высохли слёзы из-за отъезда любимой няни. Лёне все нравилось в этом доме. Все казалось оригинальным, прекрасным и возможным только у них. Он любовался, униженной браслетами, тонкой рукой матери с неизменным бокалом в ней. Ему нравилось, что отец говорил с ним серьезно, как с взрослым, и обращался к нему «старик», нравилось, что в этом доме никто не следил за временем, на обед можно было есть, что хочешь, например, пирожное «корзиночка» или зефир. Никто не спрашивал его ничего о школе и уроках, но Лёня сам учился хорошо, потому что учиться плохо было бы стыдно и недостойно его семьи. Друзья родителей тоже очень нравились Лёне. Нравилась смешливая Мила, которая приходила чаще всех, тормошила и целовала Лёню, обдавая его нездешним запахом французских духов, позировала отцу, а потом уединялась с матерью. Нравился толстый профессор, который неизменно обращался к нему со словами – «молодой человек» и угощал шоколадными конфетами. Нравились разноцветные стайки начинающих актрис и матерых театральных работников, нравились веселые и шумные

студенты художественного училища и художники-самоучки, приходившие к ним в дом и часто, остававшиеся на неопределенное время. Лёня был в своей среде и чувствовал себя в ней превосходно. Он легко и непринужденно общался совершенно разными людьми, обладал живым умом и наблюдательностью. Элеонора взялась учить его рисованию, к которому у него обнаружился не только вкус, но и способности. Он был счастлив, так как искренне восхищался матерью. В раннем детстве она казалась ему сказочной и недостижимой принцессой. Ему слабо верилось, что она его мама. Лёня очень долго считал себя недостойным её. Он восторженно ждал этих уроков с Элеонорой: впитывал, вдыхал, наслаждался, – из мастерской часто можно было слышать звонкий мальчишеский голос, – тень, полутень, рефлекс. Довольно скоро Леонид выучил не только расположение цветов на цветовом круге, но и все чаще вальяжно рассуждал в гостиной о композиции и цветоведении, о живописи, и о современном искусстве вообще... Да, он знал, что его мать и отец регулярно употребляют наркотики и алкоголь, но считал это нормой, своего рода издержками профессии. Все изменилось, когда семнадцатилетний Лёня, зашел в мастерскую, потому что услышал странные звуки, доносившиеся оттуда, и увидел отца, лежащего на полу. Из рта у него шла пена, а лицо с кровавыми белками, отливало неестественным синим цветом. Отец хрипел и был ещё жив, но Лёне тут же стало понятно, что кожа живого человека не может быть такого цвета. Точь

в точь, как на старых отцовских эскизах к спектаклю «Маскарад», в сцене за игорным столом, где фронтальная стена окрашена в темно-малиновые тона в переходе к густо-лиловому. Его парализовало от страха, он не мог несколько секунд двинуться, рассматривая не только с нескрываемым ужасом, но и с затаенным мазохистическим любопытством этот чудовищный оттенок. Лишь когда Игорь Никольский протянул к нему руку, пытаясь, что-то сказать, он с криком побежал звать Элеонору. Через несколько дней после похорон, Леонид встал, принял контрастный душ, скромно оделся и пошел в больницу, а точнее к зданию морга, откуда они забирали отца. Тогда он увидел там объявление: требуются санитары. Через два часа рослый, широкоплечий Лёня был принят на работу санитаром, но не в морг, а в приёмный покой. Через три месяца по личной инициативе устроился на эту же работу, но в наркологический диспансер. И работал там до самого получения повестки в армию. После этого выбросил свои кисти и краски, во дворе, под ободряющие крики и улюлюканье своих приятелей, время от времени разогреваясь вместе с ними дешевым портвейном, устроил ритуальный демонстративный костер из своих рисунков, набросков, мольберта и прочего, по его выражению, псевдо-художественного дерьма. С матерью почти не разговаривал, но мучился, страдал, любил её и ненавидел, почти с одинаковой силой. Элеонора хранила ледяное молчание, не снисходила до оправданий и разговоров «по душам». Возможно, потому

что чувствовала себя уязвлённой, – привычное и безусловное обожание, к которому она привыкла, сменилосьу Лёни довольно внушительным списком претензий, – а возможно, потому что ей было все равно. Как бы она не старалась, уход Игоря подкосил и её. Она заметно потускнела, выкуривала «дури» и пила больше обычного. Перед тем, как идти выполнять интернациональный долг, Леонид сказал матери, что если вернется домой живым и невредимым, будет поступать в медицинский. Только туда. И Элеонора расплакалась, первый раз за много лет. А может и за всю жизнь. По-детски – надрывно, горячо и искренне плакала блистательная Эля на плече своего мальчика, который отправлялся в 1987 году в Афганистан, за два года до окончания этой бессмысленной и кровавой бойни.

Леонид вернулся не только живым и здоровым, но даже без единой царапины. Такое иногда случается и в адском крошеве. Он неуловимо изменился, стал выглядеть мужественнее и взрослее. За всю жизнь никому, даже находясь в сильном подпитии и самым близким друзьям, Леонид Соколовский ничего не рассказывал о службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Никогда. Если сильно приставали, отшучивался, особенно настырных – конкретно посылал. В остальном, это был тот же Лёнчик: красивый, стильный, веселый и уверенный. На втором курсе, он разглядел невысокую сероглазую девчушку, с короткой стрижкой и острым язычком: бойкую и жизнерадостную.

Он сначала так же, как и Женька, не мог понять, почему ему так хорошо и уютно с ней, почему так тепло и комфортно. А потом понял, – потому что она настоящая. Чистая, живая и естественная, как лесной родник. Абсолютная противоположность его матери и всего их привычного окружения, которое ему когда-то так нравилось, и которое он теперь ненавидел. Видимо смерть отца и последующая армейская служба в горячей точке повлияли на него больше, чем это могло показаться со стороны. Он стал с трудом выносить Элеонорино жеманство, её постоянную игру. Даже если кроме него не было никого, создавалась четкое ощущение, что она актриса, а он вечный зритель и поклонник. Он часто думал о матери, – где она сама, какая она настоящая?

Её друзья своими фальшивыми улыбками и притворными чувствами вызывали отвращение, которое он почти не скрывал. Как-то вернувшись поздно с театра, где отмечали премьеру «Королевы Марго», Элеонора, увлекшись, долго что-то рассказывала сыну, патетически всплескивая руками, в определенном ракурсе откидывая голову и с манерной улыбкой глядя на единственного зрителя строго в нужных местах. Леонид не выдержал:

– Мама, мы здесь одни, зачем этот театр, – и помолчав, добавил, – Ты один раз была настоящей, на вокзале, когда провожала меня...

Элеонора расхохоталась:

– Ах, ты о том случае... Это было всего лишь похмелье,

дурачок, к тому же я тогда серьезно поссорилась с Алексом... – Эля подошлак зеркалу и распустила все еще прекрасные волосы, которые оранжевым, блестящим ливнем тихо накрыли её плечи, – Ты помнишь АлександраЕгорыча? Мы были у него на даче, к нему ещё танцор этот приезжал знаменитый, как его...Марлен, кажется,...помнишь, Леон? Ответом была гулко хлопнувшая входная дверь.

Евгения и Леонид поженились на третьем курсе, в 1990 году. Свадьба была в теплом и солнечном октябре, гуляли всем курсом, так весело и бесшабашно, как можно только в 20 лет. Женька совершенно помирилась с отцом, Зинаида была очень довольна, всплакнула на радостях и сказала, – как хорошо, что женятся они на Покров, это к счастливому браку. И даже почти не заметила, что на почетном (родительском) месте сидела Галина Аркадьевна, а не они с Валерой. Элеонора появилась с сильным опозданием и целой свитой придворных. Их появление вызвало небольшое смятение и шепот. Блистательная Эля это обожала. Она была ослепительна, хотя и сильно «под кайфом». Леонид напрягся, когда она торжественно и неспешно, как будто под прицелом телекамер, шла к невесте, так как,ещё недавно узнав о свадьбе, мать презрительно скривила губы и сказала сыну, что таких «Женек» у него будет миллион,и что же он, намерен на всех жениться?! Но Эля всего лишь поцеловала обалдевшую Женьку и застегнула на её шее кольцо, с тремя небольшими, но восхитительной чистоты бриллиантами. Смуглый, моло-

дой красавец, который пришел с Элей, протянул огромнейший букет белых роз, который пришлось взять Лёне, так как Женька не смогла бы его удержать. После чего, вновь прибывшие отбыли в том же составе, под тихие и удивленные комментарии потрясенных гостей.

Младенец немного пугал Женьку своими тоненькими ручками и ножками, которые двигались у него безостановочно и хаотично, и потому она торопилась поскорее его запереленать. Ей казалось, что так безопаснее и для него и для неё. Димочка родился 23 августа 1991 года, а на следующий день – М. С. Горбачёв распустил ЦК КПСС, подал в отставку как генеральный секретарь партии и распустил все партийные единицы в правительстве.

Молодые родители жили у Галины Аркадьевны, туда же привезли своего новорожденного сына. О том, чтобы снять жильё или привести жену и сына к Элеоноре, не могло быть и речи. Да она и не звала. Лёня учился и с третьего курса уже подрабатывал на скорой. Вот где пригодился его юношеский санитарный опыт. Женя тоже учебу не бросала, даже умудрилась полгода растить Димку на грудном молоке, – сцеживалась, или, если получалось, забегала между парами и кормила ребенка. С малышом сидела Галина Аркадьевна, в свои семьдесят была она полна энергии, отлично справлялась и с хозяйством и с ролью прабабушки-няни. Ведь она опять была востребована. Более того, в ней нуждались! Галина Аркадьевна, как много раз в своей жизни, мобилизовалась, почувствовав невероятный прилив сил, закатила рукава и принялась за дело. Иногда ночью, жалея измотанных

учебой, работой и своим новым социальным положением – родителей-студентов, брала плачущего младенца и уносила к себе, качая и докармливая сцеженным накануне молоком.

Элеонора уже второй раз лежала в наркологии. Официально уже давно нигде не работала. Лёня после учебы и перед сменой, навещал её и поддерживал, как мог. Элеонора, полуприкрыв глаза, сухими губами шептала:

– Я чувствую, как сквозь меня проходит время, понимаешь, Леон, просто чувствую физически, – потом обязательно добавляла – Я не могу стареть, не умею. Эля стала плаксивой и раздражительной. Обвиняла сына, в том, что он так рано сделал её бабушкой, жаловалась, что её никто не любит, плакала, успокаивалась и интересовалась, как она выглядит. Лёня уставал и звал доктора, которого хорошо знал ещё с тех пор, как работал здесь санитаром. Молодой нарколог, которого явно не оставили равнодушным прелести Элеоноры, много с ней возился, советовал остаться на реабилитацию, посещать группы поддержки и завязать хотя бы с наркотиками:

– Сердце измотано, печень увеличена, нервная система расшатана до крайности, – стараясь не смотреть в вырез атласного халатика, повторял врач, – Я ни за что не поручусь, что вы выкарабкаетесь следующий раз.

– Да ты что, док, неграмотный что ли, – искренне удивлялась Эля, – Опиатные нарки тоже бы хотели потягивать сухое вино и курить легкие сигареты с ментолом, – Элеонора

перекинула ногу на ногу, выставляя не без удовольствия, из-под гостеприимно распахнувшегося голубого атласа изумительные ноги, – Но это кайф бычий, понимаешь? Настоящий – только в маке, на конце иглы... А то что здоровье малёк потрепалось, это ничего... Жизнь без кайфа – не жизнь, понял, док?

Но потом входил сын, настроение её из игриво-кокетливого, мгновенно становилось плаксиво-жалостным. Лёня говорил какие-то ободряющие слова, комплименты, целовал мать перед уходом, но через пару дней все повторялось снова.

Женька несколько раз порывалась навестить свекровь, но Лёня махал руками и просил этого не делать.

– Ну почему? – не понимала Женя, – Я возьму Димку, куплю фруктов. Ей приятно будет, болеет же человек.

Лёня живо представил, как *его* матери будет приятно, когда молодая, цветущая Женька войдет в палату к матери во всем блеске своих двадцати лет, свежего, так идущего ей материнства и неуловимой женственности. Ленчик так живо представил, как «счастлива» будет Элеонора, что рассмеялся, замахал руками и попросил этого не делать:

– Просто поверь мне на слово, тем более наркология совсем не место для маленького ребенка, – Лёня глянул на Женьку, опять представил Эличкину реакцию, заржал и вышел из комнаты.

– Да ну тебя, Лёня, дурак какой-то... – сказала жена ему

вслед и пошла сцезиваться.

Все нравилось Женьке в её семейной жизни, кроме тяжелого, глубоко потаённого чувства, что она не дотягивает до своего мужа, а может и не достойна, что она будто даже занимает чьё-то чужое место. Конечно, при здоровом размышлении, Женья понимала, что никто не может занять чьё-то место, и вообще, глупости всё это. Если Лёнька умнее, опытнее её; разбирается в театре и живописи, да и в медицине он, конечно, сильнее, – весь последний год учился за двоих, – то в практических вопросах она гораздо лучше и быстрее ориентируется – это факт. И взаимодействовать с людьми Женька умела лучше. Лёню внимательно слушали, он прекрасно говорил, наглядно убеждал, посмеиваясь, в два счета уничтожал неоспоримыми аргументами всю доказательную базу собеседника. Разбирался в политике, искусстве, литературе: его мнение уважали, к нему, безусловно, прислушивались, но дружить предпочитали с искренней и простой Женькой. При всем своём обаянии и красноречии, Леонид редко мог удержаться от высокомерных и претенциозных оттенков в общении с людьми. При всей кажущейся простоте и доброжелательности, между ним и другим человеком, почти всегда, неуловимо, но четко ощущалась граница: с этой стороны я, Леонид Соколовский, а с той, извините, – вы. Кроме того, Женька постоянно ощущала какую-то недоговорённость с мужем. Как будто он почему-то боялся и не хотел открытых и честных взаимоотношений. Часто отшучивался или резко,

иногда в грубой форме, уходил от чересчур, по его мнению, откровенного разговора. Сам того не понимая, он во многом повторял манеру своих родителей, особенно матери, скрывать истинные чувства, носить разные маски. Женьке это было непонятно и больно. Для неё быть счастливой, значит читать любимого, как открытую книгу, иметь родство душ и возможность делиться сокровенным. Иногда ей становилось жутко, когда она очередной раз понимала, что все, что она знает о своём муже, это только то, что она видит. Точнее то, что он позволяет видеть и знать. Его внешняя сторона: волосы, лицо, одежда, слова, поступки. Только верхушка айсберга. А что скрывается под темной водой – неизвестно. А для неё взаимопонимание и искренность были важны чрезвычайно, и ставила она их наравне с любовью. В Женькином мировоззрении одно не могло иметь место без другого. Для неё это было не только очень важно, но и жизненно необходимо.

Шло время, учеба близилась к завершению, на горизонте замаячили ГОСы, надо было как-то определяться. Леонид твердо знал, что после ординатуры работать пойдет в наркологию. Женька готовилась в стоматологи. Трехлетний Дима уже ходил в детский сад. Он по-прежнему был на попечении Галины Аркадьевны, Женька и Лёня учились и работали, брали ночные дежурства, потому что за них больше платили. Лёня после работы обязательно «снял напряжение», да так, что не всегда попадал домой. Объяснял это тем, что иначе невозможно «все это вынести». Что конкретно «это»,

по своему обыкновению, не уточнял. Женька возмущалась, они часто ссорились, в конце концов, договорились, что если он захочет немного расслабиться и выпить после работы, то будет делать это дома, а не с алкашами-санитарами. Первое время так и было, Женя заметила, что ей даже стали нравиться эти посиделки с собственным мужем. Она их стала ждать. Во время их полуночных застолий Лёня становился разговорчивее и мягче, они строили планы, шутили, любили друг друга яростно и страстно. Женьке казалось, что она надумала все проблемы, все у них с Лёней замечательно и прекрасно. Но тут противницей такого времяпрепровождения стала Галина Аркадьевна. Время от времени, отлавливая по утрам, хмурую, заспанную внучку, распространяющую на всю кухню устойчивый перегарный аромат, она высказывалась так, чтобы слышно было также мучающемуся от похмелья Лёне:

– Ты что делаешь, идиотка?! Ты же сопьёшься! – понимая, что эти слова не помогают ей достучаться до спящей на ходу, вяло помешивающей кофе Женьки, судорожно подыскивала слова, – Тебя лишат материнских прав, Димочку заберут, я ведь старая уже, – она переходила на крик, – Если этому все равно, – она кивала на дверь комнаты, – То ты ведь, женщина, мать, остановись, Евгеша!

Женька с отвращением глотала кофе, вторую чашку несла мужу в комнату, на ходу отвечая: «БабГаль, да ты что?! Выпили после работы по чуть-чуть... Не выпались, просто...не волнуйся ты...»

– Женя, с этого все начинается, у него вся семья наркоманы, у тебя тоже наследственность плохая, одна Райка чего стоит... – Галина Аркадьевна махала рукой и уходила в комнату поднимать Димку, который давно переехал к ней в комнату, вдетский сад.

– Пора нам сваливать от бабули,... да и тесно здесь, – задумчиво говорил одевающийся Лёня, – Будем снимать хату, я узнаю у ребят. Ничего, мать, все устроится, полмира живет в арендованном жилье, а мы чем хуже.

Женька недовольно дернула плечом:

– Не называй меня так, сто раз просила... Не потянем мы съёмную квартиру, ты прекрасно знаешь об этом...

Но снимать жилье не понадобилось. Сестра Женькиного отца, – Раиса, умерла в ноябре 95-го, не дожив и до сорока лет. На похоронах Женька никак не могла соотнести портрет двадцатипятилетней Раи, сделанный двенадцать лет назад, который стоял теперь на поминальном столе, с тем, в кого превратилась эта женщина за последние несколько лет. На фотографии смеющаяся девушка с ямочками на щеках, запрокинув голову, придерживала рукой тяжелую светлую косу, а похоронили сегодня жилистую, морщинистую тётку с отеками ногами и одутловатым лицом, испещрённом красно-синей сеткой кровеносных сосудов. От обаятельной белокожей красавицы не осталось и следа. Её место заняла мумия неопределенного пола, у которой половина зубов отсутствовала, а во второй напоминали лишь кое-где торчащие жел-

то-коричневые пеньки. Зинаида начала говорить о переезде ещё на кладбище. К удивлению Женьки, отец поддержал мать и сказал, что окажетлюбое содействие, касательно ремонта пристройки, в которой жила Раиса. На поминках Зина продолжила, и Женька с удивлением слушала мать, которая приводила все новые доводы в защиту их переезда, как будто волновалась, что кто-то начнет в них сомневаться, или оспаривать:

– Ты подумай, доченька, в пристройке две отдельные комнаты, кухонька, хоть и маленькая, да своя, – перечисляла Зинаида Евгеньевна, – туалет, умывальник, – Зина судорожно вздохнула, – Райка, дрянь такая, царствие небесное, конечно, загадила там прилично, но это ничего, отец поможет с ремонтом, раз обещал, да и я тоже.... Мать глянула на Женьку, которая все смотрела на Райкину фотографию, подождала какой-нибудь реакции от дочери и, не дождавшись, продолжила:

– Ты знаешь, отец сейчас совсем другой стал, мы к вам соваться не будем, чего нам делить, правда, доченька? – И у Митеньки своя комнатабудет, опять же, пятый год мальчишке всё-таки... Да и как не крути – это твой дом родной, прописана ты здесь.

– Спасибо, мама... – Женька испытывала страх и отчаяние... Что-то ещё, помимо смерти Раисы,тяжелым мрачным комом давило изнутри. Она вдруг явственно ощутила неопределенное, но вполне различимое предчувствие надви-

гающей беды. Женька не глядя на мать, тусклым голосом спросила:

– А ты помнишь, какая она была, раньше?! – она кивнула на портрет – А я помню, я очень хорошо её помню – она платья куклам шила такие, что мне все девчонки завидовали, – Женя чувствовала, как закипают слезы, – Я её любила, да и Славик тоже, она ведь очень добрая была...очень... – Женька вышла из-за стола.

Когда она мыла посуду, к ней снова подошла мать:

– Дочь, всё решили: в общем, Лёня с папой на днях начинают ремонт, я с 18-го в отпуске, тоже подключусь, а ты смотри, по обстоятельствам, – Зинаида торжествующе, но с некоторым удивлением, смотрела на дочку, не понимая, почему она не радуется. Женя медленно вытерла руки, (людей было мало, поэтому управились быстро) и, с усмешкой, проговорила:

– А, так вы все решили, вот молодцы, вот и ладненько! Сделаем ремонт, – отмоем, выметим, перечистим всё, чтоб и духу Райки-алкашки не осталось, да, мамочка, ты ведь это имело в виду!? Моя дорогая, аккуратная, правильная и всегда трезвая мамочка! – Женька уткнула лицо в полотенце и глухо зарыдала, – Что с ней стало, ... с Раей ... – плечи её сотрясались от рыданий, – Вы что, не видите, что с ней стало-о-о....

На кухню зашёл отец, за ним Галина Аркадьевна и Лёня. Зинаида умоляюще посмотрела на мужа, потом на мать и зя-

тя:

– Это ничего, это бывает, у неё истерика... Валерий Михайлович откашлялся, сделал шаг в сторону Женьки, которая сидела за кухонным столом, слегка раскачиваясь, так и не отнимая от лица полотенце, остановился и затем нерешительно произнес:

– Видишь ли, Евгения, мы жили в одном доме, и были свидетелями, так сказать, непосредственно... э... её падения, можно сказать, деградации личности твоей тёти, моей сестры, – Женья медленно подняла глаза на отца и внимательно слушала, – Что касается меня, то если ты думаешь, что я просто наблюдал со стороны, то уверяю, – он обвёл глазами присутствующих, чтобы не встречаться взглядом с дочерью, – Уверяю... вас, что я делал все, что мог, чтобы этого избежать, – я разъяснял, я предупреждал, я настоятельно советовал лечиться... Я... – но осталось неизвестным, какие ещё невероятные усилия предпринимал Валерий Михайлович и почему он вдруг вообще стал об этом говорить, оправдываться и что-либо объяснять, потому, что заговорила Галина Аркадьевна:

– Никто тебя не обвиняет, Валера, чего ты разошелся? Свою голову не одолжишь, человеку трудно помочь, если он сам не хочет этого, а то, что Евгеша так близко к сердцу приняла, может и неплохо, – Галина Аркадьевна присела рядом и обняла Женьку, – Не думаю, что кто-то ещё так искренне оплакивает Раису Михайловну... Упокой, Господи,

её страдающую душу, – Галина Аркадьевна перекрестилась и, наклонившись к Женьке тихо сказала:

– Ты знаешь, а хорошо, что ты видела все сама. Думай, Евгеша, крепко думай! И уже, чтобы слышали все, добавила:

– Знаешь, внучка, а идея с переездом неплохая, – Дима может ходить в садик здесь, мама тебе поможет его устроить в свой, – Зинаида благодарно кивнула.

– И места больше, и двор свой есть, и старая калоша, опять же, не будет все время маячить перед глазами, – Галина Аркадьевна отмахнулась от несмелых протестов и тяжело встала, – Мне кажется, Раиса была бы не против твоего заселения, да и мне, честно говоря, хочется уже тишины, голова почти каждый день ужасно болит, – Зина, принеси мою сумку, там лекарство.

Через неделю Женька приехала глянуть, как обстоят дела с ремонтом. Оставалось побелить потолок и наклеить обои в маленькой комнате. Женя с удовольствием прошлась по свежотремонтированной кухоньке. Заново выкрашенному буфету исполнялось, наверное, лет сто, но Женька представила, как его вместительное чрево заполнится продуктами, как на маленький столик она постелет нарядную скатерть, как на чистых окнах будут красоваться новенькие занавески.

– Вот это да! – Женя, как в детстве захлопала в ладоши, когда оказалась в большой комнате. Лёня, улыбаясь, стоял посередине возле стола, в газетной треуголке. Он только что повесил люстру, и теперь она сверкала всеми пятью рожка-

ми и её свет отражали новые перламутровые обои с изображенными на них цветками нежной лаванды. Они вышли во двор, родителей поблизости не было, и Женька закурила.

За калиткой появился бомжеватого вида мужичонка и, оглянувшись, поманил Женьку пальцем. Она вспомнила, что видела его на кладбище, да и на Райкиных поминках он мелькал пару раз.

– Кто это? – спросила она у Лёни. Тот неопределенно пожал плечами:

– Да алконавт местный, батя твой гонит его нещадно, а он видишь, опять нарисовался, – Женя направилась к калитке, – Да не ходи ты, на пузырь стреляет, не ясно что ли...

– Нет, он сказать что-то хочет... – Женя подошла к мужчине, тот еще раз оглянувшись и мельком глянув на Лёню, быстро заговорил:

– Ты знаешь, чего папаша-то твой засуетился, я был ведь у Райки в тот вечер, как ей плохо-то стало, побег я, значит, к Валерке, – Райке, грю, хреново совсем, а он падла, грит, – Пить надо меньше, – Я, грит, вообще, на выселение подал, – Во гнида фискальная, сеструху родную гнать собрался, – Курить есть? – после серии затяжек, он продолжил, – А я ему, – Ты хоть неотложку вызови, Райка, грю, загибается, в натуре, а он, – Я, грит, щас милицию вызову, осточертели вы, алкаши проклятые! Из-за таких, как ты, грит, она и загибается... Некоторое время молча курили. Мужик снял и тут же опять надел засаленную шапочку, и тихо выругавшись, вдруг резко

повысив голос, произнес:

– Да, как же через меня-то, ё-моё, я ж и пальцем ни разу не тронул... Ну, выпивали, ясен перец, не без этого, – он прерывисто вздохнул, – Ну, а к утру, она уже...это... и отошла... – А на второй день, я ж проститься хотел, по-человечески, а он меня в шею... – Зинка, правда, догнала потом, бутылку сунула... Женя сосредоточенно втирала в землю окурки, потом оглянулась растерянно на Лёню, побежала в дом и вынесла мужику деньги, которые были в кошельке:

– Вот, держите, выпейте, на помин души Раисы. Спасибо вам, что были с ней и хотели помочь, – Женя быстро пошла от калитки обратно в дом, Лёня что-то спросил, но она не слышала. Мужик не унимался и говорил ей вслед:

– Я двери распахнул и ушел. Про папашку твою люди и так говорили, что дочку выгнал к бабке, а теперь гутарят, что и родную сестру згнобил до смерти, вот он и расстилается чичас перед вами....Одно слово – падаль, а не человек,... – мужик смачно харкнул в кусты.

– Ну... ты не очень там, вали давай отсюда, пока он не явился, – сказал Лёня и вошел в дом за женой.

Не хотелось больше любоваться ремонтом, Женя проговорила Лёне что-то бессвязное про дежурство, взяла у него мелочь на проезд и торопливо ушла, словно боялась, что вот-вот из-за угла бесшумным катафалком выедет черная отцовская «Волга» и тогда нужно будет разговаривать, благодарить и восхищаться обоями и новой люстрой ...

6

Женя неподвижно лежала в Димкиной комнате и ждала, когда пройдет тошнота. Эта беременность с самого начала оказалась тяжелой и муторной, во всех отношениях. Женька боялась пошевелиться, хотя нужно было вставать, готовить ужин, или хотя бы включить свет и поставить чайник, так как скоро мать приведет Димку. Лёня остался в больнице дежурить вторые сутки, кого-то там подменял. Женька чувствовала себя плохо и физически, и морально. Мужа она видела редко, они общались на бегу: рано утром или поздно вечером, если он ночевал дома, и иногда по телефону, когда у него было время и желание позвонить. Он страшно злился, когда она его начинала расспрашивать, где он проводит время, ведь не может же он работать сутками. Он называл это допросом, снова замыкался и убегал. У него появились новые друзья, с которыми он жену знакомить не спешил. Много времени Лёня стал проводить у матери в её, как сама Элеонора называла, пятничном салоне. Женьку туда не то, чтобы не приглашали, но как бы давали понять, что лучше не надо. Лёня уверял, что ей будет скучно, но она знала, что дело совсем не в этом. Просто она – чужая, не своя, и своей никогда не станет. Она одна из тех, кого Лёнчик с Элеонорой именовали некрасивым и обидным словом «быдло». Женька почувствовала, как закипают слёзы. Чувствуя угрызения

совести, она, тем не менее, вышла во двор и закурила. Больше года они жили в отремонтированной пристройке, но даже про себя, она продолжала называть её – Райкиной. А Лёня, переезжая сюда, каким-то образом умудрился половину вещей оставить у матери, у которой уже не жил шесть лет. От неё он приходил не то, чтобы радостный, а возбужденный и какой-то странный. Женька подозревала, что Леонид употребляет не только алкоголь, с регулярным присутствием которого она уже смирилась, но и наркоту. Она почувствовала сильное желание выпить. «Даже напиться!» – тут же поправила она себя. Это желание стало возникать каждый раз, когда Женя бывала чем-то расстроена или, наоборот, испытывала эмоциональный подъём, или была в ярости, как сейчас, или просто устала, таких «или», в её жизни становилось все больше, и она сама это замечала.

«Ну и пусть! Ну и ладно! – Эля – старая проститутка, – думала Женька в который раз, – Купила его с потрохами своей вонючей машиной, – она с остервенением пнула колесо стоящей рядом «шестерки». Элеонора действительно удачно «толкнув» несколько «березок» в поднятый железный занавес, ради смеха купила Лёне машину, – Пока учись на этой, – но он, хоть и обрадовался, и добросовестно сдал на права, ездил на ней очень редко, так как в последнее время нечасто был в состоянии управлять автомобилем. У Валерия Михайловича сердце обливалось кровью, глядя на простаивающий и медленно ржавеющий транспорт. Кроме то-

го, для двух машин во дворе было недостаточно места. Если бы Леониду взбрело в голову сесть за руль, когда Валерий Михайлович был дома, он бы элементарно этого не смог сделать, так как тесть должен был бы для начала отогнать свою машину. Чтобы пройти к знаменитому лекарскому огороду, нужно было протискиваться между двумя транспортными средствами, стоящими почти вплотную к дому, с одной стороны, и забором с другой. Валерий Михайлович не раз предлагал зятю продать машину и даже находил покупателя, но каждый раз Лёне было некогда, к тому же он искренне, но весьма неопределенно представлял, что каким-то чудесным образом, он скоро со всем разберется, все наладится и он, как добропорядочный отец семейства, психиатр-нарколог (без пяти минут), отпустит небольшую профессорскую бородку, займет несколько приличных костюмов, кожаный пиджак и будет ездить на работу в личном автомобиле, и вывозить на нем семью на загородный пикник. Но пока как-то все не устраивалось и не налаживалось, а проблемы росли, как снежный ком. Работы было много, а денег мало. Лёня, как и большинство молодых специалистов, видел перед собой бесконечность возможностей и чувствовал силы для их реализации, но, кто же время, его сковывало ощущение нереальности и временности всего происходящего. Страну лихорадило и пучило, как горячечного больного: талоны на продукты, бандитские разборки, криминальная приватизация, почти официальная рекомендация вышестоящего на-

чества, изучать рыночную экономику торгуя на базаре, чудовищные масштабы безработицы. Многие их с Женькой одноклассники уехали за границу или ушли в бизнес, некоторые открывали частные кабинеты и даже целые клиники, кто-то прочно сидел на игле или стакане, четверых с их курса уже не было в живых. Леонид понимал, что для больших и рискованных дел не годится, для этого нужны были определенные черты характера, которых у интеллигентного и артистичного эрудита Лёни не было. Он занял выжидательную позицию наблюдателя, которая могла принести хороший результат, в любое другое время, но не в лихие 90-е. Это было время бесшабашных, уверенных, нахальных и рискованных парней, которые не изнуряли себя поисками смысла жизни и экзистенциальным обоснованием своего предназначения. Возможно, они не были очень глубокими людьми, но они были, совершенно точно, детьми своего времени, они были одним целым – эти дети, и это время, и потому чувствовали себя в нём весьма комфортно. Лёня не принадлежал к этой группе, как, собственно, и ни к какой другой. Он мучился от своей непохожести, малодушия, болезненного самолюбия и одиночества. Ему было плохо наедине с собой, ещё хуже наедине с другими. Хотя ему нравилась его работа, занимаясь пациентами, он отвлекался от собственных мыслей. В остальное время работу заменяли наркотики и алкоголь, которые приносили непродолжительное, но заметное облегчение. Да, вот такой парадокс: талантливый нарколог, помогающий многим

алкоголикам и наркоманам, поступающим в его отделение, имел ровно ту же зависимость, что и его пациенты.

Ординатура подходит к концу, – размышляла Женька, – их ждет настоящая самостоятельная работа, исчезнет уни- зительное подшефное, наполовину студенческое положение, и дурацкая приставка «ординатор». А то даже эта хабал- ка, старшая медсестра, не считала ординаторов настоящими врачами, разговаривала свысока, и ни в грош не ставила. – И как некстати эта беременность, – думала Женя, – Сейчас надо устраиваться, делать карьеру, а через несколько лет, набравшись опыта в городской поликлинике, открыть соб- ственный кабинет! Женька зажмурилась от удовольствия! Пока это был предел мечтаний, дальше этого она не шла. Хотя бы потому, что не знала, нужно ли человеку, который уже имеет свою частную практику, а вместе с ней и все со- путствующие этому привилегии, что-то ещё.

– Мама, мама, а мы все приехали! – звонкий крик сына мигом вернул её к действительности. Отец высадил Зинаи- ду, Димку и Лёню возле дома, а сам не заезжая во двор уехал снова. У Женьки радостно забилося сердце при виде мужа, – дежурство отменилось! Леонид, не останавливаясь, и не гля- дя на жену, быстро прошел в дом. Женька растерянно смот- рела ему вслед. Возле неё с тяжелыми сумками останови- лась Зинаида:

– Лёня хотел сам забрать Диму, да хорошо я увидела – от- говорила, всё равно отца просила заехать, вон сумки-то ка-

кие, – Зинаида Евгеньевна оперлась о кузов Лёниной «шестерки», – Женя, что ж он всё огрызается, мы ж вам добра желаем, отец верно говорит, за этот месяц, если пару раз дома ночевал, то хорошо. Разве ж это нормально? Сын его и не видит... И ещё, дочь, от него запах все время почти, ты же знаешь отношение папы к этому... У него в салоне теперь, как в пивной. Женька раздраженно перебила:

– Что вы опять ему наговорили? Мама, я же просила... – она пошла в дом, где её ждал разъяренный Лёня:

– До каких пор это будет продолжаться!?! – набросился он на неё, – Я *тебя* спрашиваю!?! Мне все, начиная с моей драгоценной жены, долдонят, что я не занимаюсь сыном, что я его не вижу, тычут в нос безотцовщиной и прочим дерьмом, а когда я переносу дежурство, чтоб забрать мальчишку из детского сада, чтобы погулять, мне заявляют, что этого делать не надо, видите ли сейчас приедет Валерий Михайлович и отвезет нас всех, вместе с ворованными из детского сада продуктами домой! – Лёня уже кричал во весь голос, – Да, вот такой дружной и образцовой семейкой мы сюда и явились! Здорово, правда! Женя округлившимися глазами смотрела на его побелевшее от гнева лицо и выдавила:

– Сейчас же прекрати кричать! В доме ребенок, ты озверел, что ли или обкурился? Что произошло такого, что ты ведешь себя, как буйно помешенный?

– О да! Про это я тоже выслушал целую лекцию, пока ехал, – Леонид, ты что, пил? – Скажите, пожалуйста, ах, ах,

мы же такие трезвенники, и как это в наши ряды затесался такой алкаш! А то, что и их доченька глузбанитрегулярно так, что мама не горюй, они знают, интересно? А? Или только на мне отрываются??

– Перестань орать на весь дом...

– Ну да, – «в доме ребенок, не ори в доме». – Провалился бы он уже куда-нибудь этот дом вместе с вами! Осточертело все! И это мамаша твоя, дура набитая, только и может хлопать глазками, да шептать: «Лёня, Валерий Михайлович просто имел в виду... Папа считает, что вы...» – Леня заметался по комнате, – Боже! Куда я попал, куда?! Лёня рванул на себя дверцу хлипкого шкафчика, которая жалобно взвизгнув, закачалась на одной петле и начал бросать на кровать свои вещи, приговаривая:

– Ноги моей больше не будет в этом хлеву! – он достал спортивную сумку, и, запихивая беспорядочно туда свои вещи, не замечал, что сынуле давно громко плакал, уткнувшись матери в колени. Женя словно застыла, пытаясь справиться с мыслями и начать уже соображать, но у неё это получалось не очень хорошо. Она только знала, что если он сейчас уйдет, случится что-то плохое. И уже сложно будет что-то исправить. Поэтому нельзя его отпускать ни в коем случае. Она ватными руками натянула на плачущего Димку куртку и шапочку, легонько подтолкнув его к двери, велела идти к бабушке.

Когда ребенок ушел, она подошла вплотную к мужу и по-

пыталась обнять.

Лёня убрал её руки с какой-то страдальческой гримасой, произнеся:

«Только этого не хватало, не начинай, пожалуйста, это выглядит очень нелепо и ...жалко, не нужно, я ухожу...». Жёня остановилась, как вкопанная, с застывшей улыбкой на каменном лице. То, что произошло дальше, иначе, как обоюдным помешательством было не назвать. Лёня направился с сумкой к двери, Женька, пытаясь его задержать, встала в дверях, началась потасовка, в результате которой у неё в руках оказалась Лёнина сумка. Плюнув на вещи, Леонид вышел во двор, Женька босиком побежала за ним и запрыгнула мужу на спину. Не ожидавший такого, скорее от неожиданности, чем от веса маленькой и щуплой жены, Лёня упал на землю вместе с Женькой. Вскрикнув при ударе о землю, она, тем не менее, вскочила на ноги, опрометью бросилась к калитке, закрыла её, и торжественно повернувшись к ковыляющему мужу, демонстративно бросила ключ через забор.

– Нет, всё-таки ты, фантастическая идиотка! Неужели ты думаешь, что можешь, таким образом, меня остановить? – Лёня тяжело дышал, придерживая левой рукой, ушибленный правый локоть, с удивленным сожалением рассматривал эту маленькую отчаявшуюся женщину, которая ещё недавно была ему так дорога, а сейчас, кроме обычной жалости и досадного раздражения не вызывала ровным счетом ничего. Женька в эту минуту напоминала тощего воробья после

неравной схватки: торчащие в разные стороны волосы, надорванный рукав футболки, – это, когда Леонид её оттаскивал от двери, – искаженное гримасой боли и злорадной ухмылкой лицо. Женя потрогала голову, она здорово грохнулась, да ещё Лёня придавил сверху. Но внутри у неё уже разгорелся злой и веселый огонь, – а пропади оно все пропадом! Этот стихийный костер ещё не раз будет вспыхивать по самым разным поводам, в самое разное время в течение всей её жизни, сжигая не только мосты у неё за спиной, но, бывало и её саму, и тех, кто в этот момент находился рядом. Женька громко рассмеялась, она буквально согнулась пополам. Ей было очень смешно. Кто знает, рассмейся Леонид сейчас вместе с ней, возможно, через короткое время, они бы обнялись, и вернулись домой, помогая друг другу залечить полученные душевные и физические раны. Может быть, они бы потом со смехом, перебивая друг друга, обсуждали бы это, искренне не понимая, как такое вообще могло произойти между ними, и привычный мир был бы восстановлен и все пошло бы опять своим чередом. Но Лёня не засмеялся вместе с женой. Он вообще на неё не смотрел. Леонид смотрел на ворота, которые открывал только что приехавший, Валерий Михайлович. Через секунду Лёня уже сидел за рулем своей машины, – слава Богу, машина тестя находилась не близко к воротам, ключи были здесь же, в машине: – зажигание, педаль газа... Валерий Михайлович едва успел отскокить в сторону потому не мог видеть, как его дочь побежала

за выезжающей со двора «шестеркой», пытаюсь открыть на ходу заднюю дверцу автомобиля, намереваясь, по всей видимости, во чтобы то ни стало попасть внутрь. Возможно, ей бы это и удалось, если бы она не встретила на этом пути серьёзное препятствие в виде не полностью открытой левой створки ворот. Как потом ей стало известно, она только чудом не попала под заднее колесо. Леонид, ослеплённый ненавистью и одним-единственным желанием, как можно быстрее покинуть это место, ничего не почувствовал, но отлично запомнил округлившиеся от недоумения глаза тестя. Свет фар на мгновение выхватил из темноты его бледное лицо. Лёня не видел, как Женькин отец, кинулся к лежащей без сознания дочери, которую не сразу заметил, как Зинаида Евгеньевна ехала с ней в машине «скорой помощи», как из-за начавшегося кровотечения Женька едва не рассталась с жизнью. Ему не было известно, что в ту ночь жена потеряла ребенка. Ничего этого он не знал, да и вряд ли бы захотел тогда знать. Он медленно двигался наугад, пока не выбрался, наконец, на шоссе, ведущее в город. Здесь Лёня с облегчением вздохнул, прибавил газу и ехал уже с музыкой, правда, не долго, а именно до первого поста ДПС. Требование гаишника остановиться, он с испугу проигнорировал, ну а дальше по известной схеме: неподчинение, управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Можно было попробовать договориться на месте, но денег у Лёни было мало, опыта решения такого рода проблем ещё меньше, время было упу-

щено, и в итоге: телега на работу, штраф, лишение водительских прав на год. О том, что случилось с Женей, он узнал только через два дня от возмущенной сокурсницы Наташки Морозовой или Туси, как её все называли и с которой Женя заканчивала ординатуру. Она дозвонилась ему на работу и кричала в трубку:

– Ты что вообще с катушек слетел?! У тебя совесть есть?! Женька лежит в больнице, живого места нет... Левая сторона вся синяя, это ты её так к воротам припечатал, да плюс черепно-мозговая... ещё скажи спасибо, что она на тебя, паразита, заяву не накатала. Отец её до сих пор уговаривает это сделать... Лёня ничего не соображал, но почувствовал дурноту:

– Туся, подожди, что значит синяя, какие ворота, ничего не понимаю... Девушка на минуту замолчала, как бы не зная, с чего начать и затем устало проговорила:

– А... так ты, действительно, не в курсе... Слушай, я не знаю, что между вами происходит, да и не моё это дело, но она в третьей больнице, в гинекологии. Она в ужасном состоянии. Сходи к ней, поговори, может... Лёня её перебил:

– Подожди, что значит в гине... Тусенька, спасибо, мне нужно идти, увидимся. В ординаторской, Леонид схватился за голову, в голове началось беспорядочное столпотворение мыслей, – какой идиот, что же я наделал, бедная девочка, что с ней случилось, и как плакал Димка, а как она бежала за мной, о...нет, мне нужно к ней, Боже мой, как она там и

что с нами такое произошло...

В больнице Лёня говорил своей жене примерно тоже самое, но с остановками для бесконечных извинений и поцелуев. У Женьки не было сил, она почти ничего не говорила и, сославшись на головокружение, отправилась в палату. Обернувшись на пороге, увидя испуганное и страдальческое лицо мужа, постаралась смягчить быстрый уход:

– Я не сержусь, Лёня. Сама виновата, – знаю, ты не хотел этого... Ты иди сейчас, ладно? И не переживай, никакого заявления я не писала и не собираюсь писать, я сама вцепилась в эту дверцу. Никто меня не заставлял... Ладно, потом... всё... Я устала очень... Лёня вышел в пустынный больничный двор и закурил. Он понемногу успокаивался, супруга жива, пусть медленно, но верно идет на поправку. Тем более находится на лечении в хорошей больнице. Он, между прочим, тоже пострадал, локоть и мениск повредил, до сих пор хромот. А если что-то серьёзное? Но он не может себе позволить валяться по больницам... И вообще, ну что это за поведение, как у трудного подростка, ей-богу... Но что-то зацепило Лёню в словах жены и не давало покоя, – ах, да, что значит «ты не переживай на счёт заявления»? А когда это он переживал? И в мыслях не было... И не думал... Или думал и всё-таки... переживал? Лёня запутался, такие размышления неизменно выводили его из равновесия и просто бесили. Но у него был отличный способ это исправить. Он сел на самую отдалённую и видимо, поэтому самую обшар-

паннуюлавочку и вытащил из внутреннего кармана алюминиевую плоскую фляжку с заботливо и собственноручно налитым коньяком. После большого глотка стало тепло и хорошо, даже унылый больничный двор, засыпанный мокрой октябрьской листвой, показался довольно симпатичным. Лёня подумал, что нужно перехватить у кого-нибудь денег до зарплаты, отвезти к теще на работу, ведь на ней сейчас больная дочь и его сын. Он не знал, что будет дальше, но понимал, что жить больше в Райкиной пристройке не сможет никогда. Леонид с сожалением вспомнил о брошенной там сумке с его вещами. Надо сказать Элеоноре, чтобы поехала и забрала её. Ну не может он сейчас видеть тестя, – что касается его семьи, – время покажет, – вздохнул он умиротворенно, снова отхлебнул из фляжки, а после того, как она была надежно спрятана во внутреннем кармане, закурил и направился к остановке.

Женька не находила себе места, – её выписали сразу после утреннего обхода, сейчас уже первый час, а Лёни, который обещал забрать её с больницы до сих пор нет. Она спросила разрешения позвонить. На работе его не оказалось, на дежурство ему только завтра. Может быть, он что-то напутал и ждет её дома? Трубку взял брат. – Нет, Лёни у них нет... – И не было ни разу, с того самого вечера... – Приезжала его мамаша, забрала вещи Лёнчика, ругалась тут с батей, потому что он отдавать не хотел, – Отпадная чувиха, – порционно выдавал Ярик информацию, которая уже была извест-

на ей. Женя положила трубку и решила не мозолить больше глаза медперсоналу и покинуть лечебное учреждение самостоятельно. Чувствовала она себя нормально, но на душе было тягостно и почему-то ныло под ложечкой. Вначале она долго оплакивала своего не родившегося ребенка, считая себя, – прямо и косвенно, – виновной в том, что произошло. Ведь она его не хотела! Потом смирилась, пришла к выводу, что так будет лучше для всех. Она уже не наивная девочка с удивленными и доверчивыми глазами, она прекрасно знает, что нельзя привязать мужчину к дому ребенком. Тем более, что у него уже есть сын, и что-то не видно, чтобы он по нему очень скучал. Мать приезжала через день и Женя знала, что Лёня только раз в самом начале заехал к ней на работу, передал деньги, и сразу ушел, сказав, что очень торопится. На днях её вдруг навестила Элеонора, появившись в роскошном соболином полушубке, хотя на дворе стоял довольно теплый октябрь. Эля была само обаяние, доброжелательность и сочувствие. Привезла целый пакет заморских фруктов и йогуртов, итальянскую косметику и дорогое лекарство, которое Зинаида уже месяц искала и не могла найти. Женя расчувствовалась, и вышла провожать свекровь. Они сели на лавочку, как раз напротив той, где три с половиной недели ранее Лёня пил коньяк и так благополучно избавился от негативных мыслей и сравнительно недолгих угрызений совести. Элеонора закурила длинную коричневую сигарету, отставив в сторону от полушубка изящную руку с ярко-красным ма-

никюром. Она протянула серебряный портсигар Жене, но та, покачав головой, достала мятую пачку «L&M». Немного покурили молча. Затем Элеонора рассказала Жене, как переживает Лёня, как он сожалеет, о том, что произошло, как любит её и ребенка. На этом месте Женька про себя усмехнулась, – Интересно, блистательная Эля знает хотя бы, как зовут её внука? За все время Лёня навещал жену три раза, последних два – будучи сильно нетрезвым. Женьке пришлось его выпроваживать. Как будто прочитав её мысли, Элеонора сообщила, что Лёне предложили работу в частном наркологическом центре с умопомрачительным окладом, но и серьёзной нагрузкой. В ноябре он приступает к автономной работе в этой клинике, как психиатр-нарколог. Но и сейчас он в свободное время едет туда, знакомится с историями больных, входит, так сказать, в курс дела.

– Ты понимаешь, котик, у него совершенно нет времени, – Эля открыла алый блестящий клатч, и достала несколько крупных банкнот, – Вот, он просил отдать это тебе, – Скоро выписка, нужны будут деньги. Элеонора поднялась:

– Ну, всё, лапонька, возвращайся, а то простудишься, – она притянула Женьку к себе, обдав её чудным, пряным запахом неведомых Женьке духов, – И не нужно растрачивать себя из-за мужчин, даже лучшие из них не стоят этого... Поверь мне, я знаю о чем говорю, – Эля погладила Женьку по щеке, ласково заглядывая в глаза, – Мой сын не исключение, такой же гавнюк, как и все остальные, и вообще – любить

можно только одного человека – себя, поняла, детка?»

Сейчас Женька с благодарностью вспомнила про деньги, которые ей оставила мать Лёни и вызвала такси. Да и с Лёней надо помягче, – а то «иди Лёня, потом Лёня, я плохо себя чувствую, Лёня..», – а он, молодец, работу хорошую нашёл, ни единым словом не упрекнул её, ни разу, волнуется, переживает. Все-таки как Эле удаётся, думала она, удобно расположившись на заднем сиденье иномарки, всегда оставлять о себе неизгладимое, буквально феерическое впечатление и вселять непоколебимую уверенность в том, что она посланный небесами ангел, который только и думает о благополучии, здравии и личном счастье человека, с которым говорит в эту минуту?! Даже Женька, которая давно знала, что это совсем не так, что Элеонора фальшива и эгоцентрична от самой своей златовласой макушки до пяток, регулярно попадала под её обаяние и искренне верила каждому слову, по крайней мере, до тех пор, пока Эля не скрывалась из виду и тончайший шлейф её изысканных духов не становился практически неуловимым.

Такси остановилось у дома, в котором вырос её муж, и в котором она за семь лет, была считанные разы. Женя нажала кнопку звонка, ничего не услышала, – сломан, наверное, подумалось ей. Негромко постучала, затем услышав доносившуюся музыку, нажала на ручку двери, та бесшумно открылась. Музыка и невнятные глухие звуки шли из самой дальней комнаты, – мастерской, вспомнила Женя, она была

там только один раз, когда Элеонора устроила небольшой, светский фуршет-выставку, по случаю очередной годовщины смерти Лёниного отца. Женя толкнула дверь мастерской и тут же подумала, что сошла с ума. Потом, миллион раз восстанавливая по крупицам все фрагменты этого посещения, она все время жалела только об одном, – Почему, ну почему она не постучала в дверь мастерской, а сразу её распахнула?! Хотя сама же себе и отвечала, – а чтобы это изменило? Дверь была приоткрыта, и вообще, – ещё не трогая её, Женя была уверена, что то, что за ней находится, она вряд ли забудет. Она не только не забыла, но то, что она увидела, перевернуло её жизнь навсегда. Так меняет привычную жизнь, неожиданно ворвавшееся известие о смерти близкого, или внезапная катастрофа участником или жертвой которой становишься ты сам, или смертельный диагноз в истории болезни любимого человека. Женька застыла на пороге и целую вечность не могла понять, что происходит. На широкой тахте расположенной слева от двери в мастерскую, лежала совершенно нагая Элеонора, широко раскинув свои длинные ноги, между ними Женька, как в тумане, разглядела выющийся Лёнин загривок, в который Эля запустила все свои десять ярко-алых ноготков. Первой её увидела свекровь, подмигнув невестке и сладострастно изогнувшись, она медленно провела рукой по своей белоснежной, в голубых ручейках вен, тяжелой груди. Женька хрипло, с каким-то противным, чавкающим звуком вскрикнула, зажала сама себе рот рукой, и с вытаращен-

ными, немигающими глазами бросилась к выходу. Она смутно помнила, что вскочил Леня, что-то ей кричал и одновременно пытался натянуть джинсы, что-то сзади упало и разбилось, помнила смех и томный голос Элеоноры, пока, наконец, не вылетела на улицу и не остановилась прямо перед таксистом, который вез её сюда. Ей показалось, что прошло не меньше часа, однако её не было всего несколько минут.

– Ну, что, куда дальше? Муж-то, как? Едет? – она догадалась, что, по-видимому, не стала отпустить такси и успела сообщить, что приехала за мужем. Но она совершенно не помнила этого, не узнавала свои «больничные» пакеты на заднем сиденье, как и не узнавала самого водителя.

– Что с вами, – привидение увидели? – растянув губы в щербатой улыбке спросил таксист, – Такая веселая была, когда сюда ехали, – что, муж не ждал, поди!? – парень искренне радовался собственному остроумию.

Женька криво улыбнулась и выдавила: Да нет, он не едет, он... не может, – они сели в машину, – На Октябрьскую, пожалуйста, я скажу где...

30 октября 1997 года у Женьки начался первый в её жизни запой. Она ехала в такси после кошмарной сцены в мастерской к единственному человеку, которого могла бы сейчас выдержать рядом – Тусе. Деловитая, умная и смышленная Туся, не будет лезть к ней с расспросами и советами. Как раз то, что нужно Женьке сейчас. С ней можно говорить и молчать с одинаковым комфортом. Первый стакан водки Жень-

ка маханула ещё в чебуречной, вызвав живой интерес у некоторых посетителей. Затем она велела остановиться у магазина, где стопроцентно имелся вино-водочный отдел, и купила несколько бутылок вина и рябины на коньяке.

– Хорошее применение денег, полученных от Элеоноры – пронеслось у неё в голове. У таксиста настроение испортилось, когда она, звеня бутылками, плюхнулась на сиденье. Он хмуро молчал до самого Тусиного дома и даже не поблагодарил, когда она расплатилась, щедро округлив цифры на счетчике. Он нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, пока она выгружалась, опасливо следил взглядом за жирным пакетом с промасленными сверх всякой меры, и оттого еще более вкусными, горячими чебуреками и едва Женька захлопнула дверцу, рванул с места и уехал.

Наташа Морозова, она же Натуся, она же, в совсем усеченной и самой в отношении её, употребляемой форме, которое ей, пухленькой и маленькой блондинке со смешными завитками-кучеряшками на висках и затылке, очень шло – Туся, дома отсутствовала, так как была на работе. Но жила она со своей бабушкой, которая и впустила Женьку, так как хорошо её знала. Считалось, что бабушка очень больна, какой-то непонятной, загадочной болезнью, которая не позволяла ей уже много лет не то, чтобы работать, но даже поддерживать свою квартиру и саму себя хотя бы в относительной чистоте и порядке. Однако заболевание это совсем не мешало ей следить за новостями из области шоу-бизнеса, живо

интересоваться частной жизнью знаменитостей, а также их, не всегда касающимися творчества, сомнительными достижениями. Нина Ивановна обрадовалась, открыв дверь:

– Ой, Женечка, молодец, что зашла, Тусечка скоро вернется, проходи, – она запахнула черный шелковый халат, с белыми ромашками, надетый прямо на грязноватую ночную сорочку и вытерла руки оподозрительной расцветки фартук, – Представляешь, – Нина Ивановна захихикала, как семиклассница, – У Льва Лещенко – 22 сантиметра! – бабушка с вызовом смотрела на девушку, в предвкушении бурной ответной реакции. Женька непонимающе смотрела на неё:

– Что 22 сантиметра?! Вы о чём? – порозовевшие щёчки и хитрый взгляд без тени смущения выдавали бабулю с головой.

– Нина Ивановна, – укоризненно произнесла Женька, – Перестаньте вы читать этот мусор, фу!

Тусина бабушка, чуть потупившись, отвела рукой, с длинными, правильной формы, но с не слишком чистыми ногтями совершенно белые пряди волос, с прищуром глянула на Женьку и подмигнула ей, как верной сообщнице. Усадив нечаянную гостью к столу, на котором лежали старые газеты, захватанные грязными руками очки с треснутой оправой, тарелки с остатками еды, маникюрный набор с недостающими предметами, чайный грибок, темная от застаревшего налета чашка, томик Мопассана, что-то ещё, чему Женька затруднялась дать название, Нина Ивановна, как всегда, произнес-

ла: «Извини, тут немножко не убрано». Эту фразу она говорила и месяц, и год, и три назад, когда Женьке случалось бывать у них с Тусей. По навесным, когда-то белым шкафчикам деловито сновали взад и вперед орды тараканов. На полу не желательно было долго стоять: существовала большая вероятность устойчивого прилипания. Бедная газовая плита, со дня своего водворения в этой квартире, вряд ли была знакома хотя бы с самым примитивным моющим средством. Использованные спички после розжига, просто складировались тут же под конфорками, там же, где нашли свой приют всевозможные остатки готовящейся пищи, сгоревшего молока и прочая, прочая. «Почему Туська не наведет порядок, как же можно жить тут?!» – очередной раз подумала Женька. Время от времени Нина Ивановна зачем-то посыпала все это добро толстым слоем пищевой соды, на котором со временем формировался новый слой.

«Интересно, что они будут делать, когда этот слоеный пирог достигнет своей критической точки, то есть станет выше конфорок» – почему-то Женьке казалось это чрезвычайно важным.

– Нина Ивановна, а давайте я вам плиту отмою! – вдруг громко спросила Женька. Туськина бабушка замахала полными ручками и засмеялась, удивительно красивым грудным смехом:

– Что ты, детонька, что ты, я совсем недавно её мыла, не стоит, – тогда Женька, насчитавшая не меньше пяти «слоев»,

задумалась на секунду и выпалила:

– А знаете, у меня вино есть, хорошее, «Каберне» называется, давайте выпьем! – Женька проговорила это бодрым, радостным голосом и вдруг заплакала. Нина Ивановна растерялась, снова поправила свой халат, который упрямо расходился на груди, потом, как будто вспомнив что-то, просияла и сказала:

– Можно и выпить, только мне немножко, у меня же вегето-сосудистая дистония, ты знаешь, да? – Женька протяжно вздохнула, моментально почистила содой граненый стакан и чашку, липким ножом срезала капроновую пробку и разлила вино, одновременно кивая в том смысле, что, конечно знает про «ужасный» диагноз бабушки Нины. Женька выпила залпом пол-стакана вина и тихо сказала:

– А знаете, мне муж изменяет... А знаете с кем? – судя по тому, какое растерянное выражение снова приняло лицо Нины Ивановны, она прекрасно бы обошлась без этой информации. Женька вовремя спохватилась и, как можно беспечнее выпалила:

– Ой, что это я, расскажите лучше, что вы ещё интересного прочитали за последнее время, но только, чур, не про сантиметры, ладно? – Женька, пользуясь тем, что бабушка, с воодушевлением принялась искать газету, снова налила себе вина и даже успела выпить. Нина Ивановна, усевшись напротив Жени, выудила из-под вороха газет свои очки, вытерла их о грязный фартук и приготовилась читать вслух. Она это

занятие очень любила, но поскольку читала Нина Ивановна плохо, видела даже в толстых, всегда залапанных очках ещё хуже, то редкие слушатели уже через несколько минут не выдерживали и под самыми разными предлогами неизменно исчезали с публичных чтений, со скоростью, которой позавидовал бы самый шустрый таракан. Видя её намерения, Женя, чуть не поперхнувшись, успела выпалить:

– Да вы так, сами, Нина Ивановна, вы же прекрасно рассказываете. Нина Ивановна внимательно глянула на неё, сняла очки, в задумчивости пронесла их мимо футляра и опустив в грязную тарелку с засохшими остатками риса, торжественно произнесла:

«Алла Пугачёва и Филипп Киркоров думают о суррогатном материнстве» – озвучила она на память заголовков из очередной бульварной газетенки. Женька остолбенела на секунду и расхохоталась:

– Вы просто чудо, Нина Ивановна, вы это знаете? А у меня чебуреки есть, хотите? – Только они остыли, наверное.

Вернувшись с работы через пару часов Туся застала странную картину. В зале, возле громко работающего телевизора посапывала в кресле бабушка. А в маленькой комнате на Тусином диванчике, свернувшись калачиком, спала беспробудным пьяным сном её подруга Женька. На полу валялись пакеты с вещами, а на прикроватной тумбочке стояла почти опорожненная бутылка из-под вина. Оставшиеся напитки, бережно припрятанные их обладательницей в глу-

бине книжного шкафа, Туся обнаружит только спустя два дня, всё это время не понимая, каким образом, не выходящей никуда Женьке, никак не удастся протрезветь. После того, как Туся провела небольшое расследование и обнаружила несколько пустых бутылок в том же книжном шкафу, она вышла из себя:

– Ты соображаешь, что ты делаешь? Ты сама врач, ты думаешь своей головой? – Туся стояла посреди комнаты, размахивая перед Женькиным носом вещественным доказательством – пустой бутылкой, – Женя, ты пьёшь с утра, ты пьёшь в одиночку, ты должна остановиться, иначе это плохо кончится.

Женька глянула на Тусю, и в который раз с удивлением отметила, как не соответствует внешний облик её подруги, невообразимому застарелому бардаку в этой квартире. Туська, беленькая, чистенькая, с распушившимися кудельками светлых волос вокруг головы и прозрачными, словно промытыми нежно-голубыми глазами, в самом деле, смотрелась в этой обстановке дико. Но насколько это выглядело нелепым внешне, особенно для постороннего взгляда, настолько же органично и комфортно она себя здесь ощущала каждой клеточкой своего тела. Родители её разошлись, когда Тусе было пять лет, мать вышла замуж за болгарина и жила с тех пор на родине супруга. Воспитала её баба Нина, она выросла в этом доме и, наверняка, очень бы удивилась, если бы ей сказали, что с их квартирой что-то не так. Туся продолжала говорить:

– И вообще, твоя мама опять вчера звонила, а ты в отключке снова, Димка про тебя все время спрашивает, мне надоело врать, понимаешь, – Туся с остервенением гладила накрахмаленный белоснежный халат, который выглядел здесь так же неуместно, как и она сама, – Не стоит он таких жертв, понимаешь, не стоит, плюнь и живи дальше!

Женька, которая с огорчением разглядывая себя в зеркале, думала о том, что подходит этой цитадели хаоса и запустения гораздо лучше Туси, и проигрывает в этом смысле даже Туськиному медицинскому халату, тем не менее, была настроена благодушно:

– Послушай, выходить мне только в понедельник, отстань, а? Если я тебе мешаю, я уеду, сейчас вот только... найду этот коньяк... на рябине... И где он, интересно мне знать...

– Женечка, да не в этом дело... – Туся не договорила, потому что в комнату, с ярким журналом в руках, зашла Нина Ивановна:

– Девочки! Вы не представляете, с кем застучали Наташу Королёву на отдыхе! – бабушка сделала выразительную паузу...

– Ба, не сейчас, поставь чайник, у нас разговор серьёзный, ну, пожалуйста...

Туся закрыла дверь за бабой Ниной и повернулась к Женьке:

– В общем, так, подруга, я знаю, что Лёнчик твой мудака первостатейный, но ей-Богу, если ты сейчас не остановишь-

ся, я ему позвоню, чтоб положил тебя в своём отделении... Конечно, он урод моральный, но врач классный, я это точно знаю... Женя подняла глаза и внимательно посмотрела на Тусю.

– Интересно, – думала она, – Туська вообще меня слышала, про Лёню, про эту мерзкую, насквозь прогнившую, блядь Элю, развратившей и использующей для сексуальных утех родного сына?!

Но поскольку ультиматум от подруги был выдвинут наряду с опустошением Женькой её же алкогольного запаса, она миролюбиво, и подозрительно быстро, согласилась с доводами в пользу трезвости. Попивая с бабушкой Ниной и Тусей этим субботним вечером крепкий чай, и вполуха слушая историю о романтических приключениях Владимира Кузьмина и неизвестной сногшибательной блондинки, она уже знала, как поступит дальше.

Открывая дверь своей комнаты, Женька только что не пела вслух! Три весенних и три летних месяца она уже работала и жила здесь, и не уставала радоваться этому. Как же здорово открывать дверь своей первой квартиры своим собственным ключом! Правда, это всего лишь комната в коммуналке, в маленьком провинциальном городке Ставропольского края, но зато большая и светлая, и, главное – своя! Жене, как молодому специалисту после завершения ординатуры предложили и этот вариант в том числе, и она, не задумываясь, согласилась, так как здесь кроме полной ставки в городской поликлинике, новенькому доктору предоставлялось отдельное жильё, и не в общежитии, а в двухэтажном кирпичном доме, в самом центре города, до работы – 10 минут пешком! Женька ликовала! Соседи очень приятные и душевные люди, благодаря которым у неё в комнате остался письменный стол, чудесная резная этажерка, три разномастных стула и другие приятные вещи. Тахту, посуду, одежду и мелкие, но необходимые предметы обихода, взялся перевезти отец. В конце августа она едет за Димкой, который пойдёт здесь в первый класс. Школа тоже рядом. В этом городе, как она заметила сразу, основные муниципальные учреждения находились не только в одном районе, а даже на одной улице. На работе, вопреки её опасениям, все складывалось хорошо, в опре-

деленном смысле, здесь было даже проще, чем в ординатуре. Рабочий день стал, наконец, нормированным и упорядоченным, шел по годами отработанному, четкому алгоритму: регистратура, запись, талон, приём. Пациентов возле её стоматологического кабинета всегда было много, только успевай поворачиваться. Женька очень уставала, но была довольна, а местами так и вовсе счастлива. К ней относились уважительно, обращались: «Евгения Валерьевна», время от времени медсестра благоговейно переходила на шепот, а больные внимательно и серьёзно выслушивали её рекомендации. У неё были легкие, умелые руки, – работала Женя сосредоточенно, быстро и четко, с минимальным беспокойством для пациента, – молниеносно входила в корневой канал, чистила, пломбировала или виртуозно удаляла, то, что уже нельзя было спасти.

С тех пор, как в феврале 1998-го, они официально развелись, она Лёню не видела, а при нечаянном воспоминании, испытывала легкое неудовольствие и изрядную долю презрения. Она знала, что он сейчас в Москве, работает в частной наркологической клинике и вроде бы, снова собирается жениться. Туська, которая всегда была в курсе всех событий, хотела рассказать подробности, но Женька отмахнулась, – мол, не интересуюсь. Если не считать трехдневного запоя в квартире у Туси и её бабушки, Женька не выказывала более никаких чувств по поводу их с Лёней развода. Никто не видел её подавленной или расстроенной этим обстоятель-

ством. Осознание того, что их браку конец, принесло, скорей, облегчение. Она, как в известной песне тех лет «в прошлое закрыла дверь», изначально пресекая любые проявления сочувствия и жалости и не позволяя себе никаких сентенций на тему, – «почему? за что? и как он мог так поступить?» Да у неё, собственно, на это не было не только желаний, но и времени. Она заканчивала ординатору, переезжала, устраивалась на новом месте и на новой работе. К тому же у неё появились новые коллеги, новые друзья и новые соседи. Гостеприимство, доброжелательное и участливое отношение к новенькой, иногда принимало у них характер чрезмерной опеки, местами переходящей в навязчивость. Женька не решалась устанавливать границы с этими радушными людьми, боясь оскорбить их чувства. Соседи жили, хоть и несколько странной, но весьма дружной и сплочённой семейной коммуной, в четырехкомнатной квартире, с общей кухней и санузлом. Председательствовала у них баба Маня – женщина без определенных занятий и возраста: говорливая и бойкая, как сорока. Она жила вместе со своим мужем тихим и безобидным алкоголиком Пашей в самой большой комнате и очень этим гордилась. Это она совершила обход и в добровольно-принудительном порядке рекомендовала жильцам «уважить дохторшу и встретить по-человечески». Благодаря ей, Женьке достался деревянный письменный стол, который она не дала вынести бывшему жильцу, на том простом основании, что он ей был должен. «Сколько я тебя, подле-

ца, по утрам пивом отпаивала, а сколько пил на халяву, помнишь, Толь?» – обратилась она за поддержкой к недавнему вернувшемуся с первой чеченской компании, соседу Толику. Тот мрачно кивнул. Бывший владелец стола благородно спорить не стал, хотя, насколько помнил, он регулярно вносил свою лепту в общий котел, да и, посылая бабу Маню за пивом, не только давал ей деньги, но и никогда не требовал сдачу. Но взглянув на Толика, по прозвищу «Чечен», тихо смотал удочки оставив прекрасный, двухтумбовый стол на прежнем месте. Сама баба Маня в первый же вечер, когда отмечали новоселье, подарила этажерку и два горшка с фиалками, Толик притащил откуда-то книжную полку и сам прибил её над столом, ну а дальше, как прокомментировала баба Маня, «так, по мелочи»: Катерина Егоровна, мать Толика вручила несколько тарелок с чашками и стул. Жившая в самой последней, дальней комнате полностью укомплектованная семья Винокуровых, – папа, мама и две дочери, ничего не подарила, но пришла на новоселье с небольшим тазиком капусты собственной закваски и двумя бутылками водки, которую глава семьи – Алексей Винокуров, совсем не по-доброму оглядев присутствующих, демонстративно установил возле себя. У него был повод выражать недовольство. Можно пальцы загибать: три месяца назад его жена счастливо разрешилась от бремени новеньким младенцем, а долгожданного расширения семья так и не получила – это раз, баба Маня живет припеваючи в огромной комнате с этим сво-

им алкашом-недоумком и наотрез отказалась переезжать в винокуровскую комнату в порядке культурного обмена – это два, пигалица-докторша, не успела приехать, как тут же отхватила большую прекрасную комнату, – это три, и вообще, почему он, Лёха Винокуров, газосварщик четвертого разряда, работающий уже шесть лет в родном строительном-монтажном управлении, должен вчетвером жить в крошечной комнате, когда все эти тунеядцы, алкоголики и проходимцы, хотят на его Лёхином, натруженном горбу въехать напрямик в рай, – это четыре, и пять и, если хотите, восемь.

Лёха сам ни за что ни пошёл бы на это новоселье, – ещё чего, сиди там с этими дармоедами, занимающими самые лучшие и большие комнаты, – но жена Майка сказала, – надо пойти, мало ли, с новой соседкой, доктором, ссориться не выгодно, да и с остальными тоже, неизвестно, сколько им ещё здесь торчать, да и не их вина, что Лёху профком всё завтраками кормит. Тем более, напомнила Майка, Сапрыкины только что ордер получили, а Серёга дольше Лёхи работает, на три года. Его жена, подумал, и чуть не сказал вслух Лёша, когда была в небольшом, но радостном утреннем подпитии, как сейчас, мыслила очень разумно. Новоселье, как и большинство других мероприятий, стихийно организуемых на общей кухне, по поводу и без, прошло по интенсивной и насыщенной программе. Сначала знакомство, – его проводила баба Маня под одобрительный, протестующий или дополняющий комментарий присутствующих. Вне зависимо-

сти от характеристики и реакции на неё, само собой нужно было выпить за здоровье аттестуемого. Затем выступал Толик с песнями под гитару собственного сочинения «Зачем мне, мама, воевать» и «Западло», потом все дружно будили Лёху, который заснул в уборной. Как только его, осоловевшего, проводили на место, и вставили в руку стакан, Клавдия Егоровна начала рассказывать о конце света, который по многим приметам, – а ей это совершенно точно известно, – уже недалек. Видимо, эта тема была у неё в числе любимых, так как Майка, едва она начала, закатила глаза, изображая невероятную скуку и посоветовала ей заткнуться, так как, в противном случае, её личный персональный конец света наступит прямо сейчас. Потом долго мирили обе стороны и утешали всхлипывающую Катерину Егоровну. Только враждующие стороны под напором дружественных соседей выпили мировую, – подал голос Толик-чечен, до этого с самым невозмутимым видом, перебирающий струны своей гитары, – в том смысле, что неплохо бы Лёхе научить свою жену разговаривать со старшими, иначе это придется сделать ему. Лёха, который вообще не понял о чем речь, так как был увлечен демонстрацией Женьке своего кариозного зуба, что время от времени его беспокоил и «который, надо вырвать к монахам», так как на длительное лечение у Лёхи, в отличие от этих, – он презрительно махнул вихрастой головой в сторону остальных, – времени нет. Всё ещё находясь под впечатлением от этих добрых, простых и честных людей, Женька и

не заметила больших изменений: просто секундой назад рабоче-крестьянский палец Лёхи, указывал ей на больной зуб, а сейчас его трудовая мозолистая рука одним рывком усадила на место вскочившую в негодование Майку и вместе с этим отшвырнула от себя стул, высвобождая место для установления справедливости. Даже расфокусированный взгляд пьяного стоматолога с удивлением отметил, с какой скоростью покрывается багрово-фиолетовым цветом могучая шея Лёхи Винокурова. Неизвестно чем бы всё это закончилось, если бы не баба Маня. В мгновение ока оценив ситуацию, она приняла меры: шикнула на Майку, услала Толика за самогонном в соседнюю квартиру, потом обежала стол, приобняла Лёху и довольно громко зашептала на ухо, Женька разобрала слова: «контуженный», «пацан зеленый» и «милиция». Вечер закончился вполне мирно – коллективным исполнением народных песен, но этого уже Женька совершенно не помнила.

Когда она приехала за сыном и встретилась с Тусей, то узнала о смерти Элеоноры. Лёня был на похоронах вместе с новой женой-москвичкой. Вопреки ожиданиям, Женя не останавливала подругу, а наоборот почему-то ждала подробностей. Туська рассказывала всё, что ей было известно:

«Ты представь, Эля, даже помереть не могла без этих своих закидонов. Лёнчик рассказывает, что она позвонила ему в два часа ночи в Москву, и ни здарсьте, тебе ни до свидания, – мне, говорит, сынок, никогда не будет пятьдесят. При-

кинь!>? Нет, ну скажи, это нормально такое услышать среди ночи!>? Велела похоронить её в индийском сари, цвета слоновой кости, лежит такая, прям невеста». Женька ловила каждое слово: «Говорят передоз, а может специально траванулась... А жена Лёнькина, так себе, ничего особенного, но ребята говорят, богатая, жуть! Дочечка какого-то чиновника, типа нашей Алины...» Женя поймала себя на том, что постоянно возвращается мыслями к Элеоноре, вдруг у себя в голове она отчетливо услышала её насмешливый голос: «Жизнь без кайфа, не жизнь!» Женька вздрогнула, приказала себе не сходить с ума и стала думать о том, где и когда она могла слышать эту фразу. На ум ничего не приходило. Тогда она решила, как Скарлетт О’Хара, подумать об этом завтра и стала расспрашивать Тусю о её новом молодом человеке, с которым у неё, похоже, были все шансы дойти до ЗАГСа. На следующий день, перед отъездом, Женька снова заехала к бабушке, которая плохо себя чувствовала и опять собиралась лечь в больницу. Ничего конкретного врачи не говорили, но Галине Аркадьевне было и так всё понятно. Она снова заговорила с внучкой о прописке в её квартире. Женька нетерпеливо перебила бабушку:

– Ба, ну зачем это? Всё это долго, нудно, а у меня времени нет, да и смысл? – Женя поцеловала её в худую щёку, Галина Аркадьевна твёрдо ответила:

– Я хочу, чтобы ты прописалась у меня, ты что, действительно не понимаешь, насколько это важно для тебя? – По

своему обыкновению, Галина Аркадьевна, тяжело поднялась и медленно прошла по комнате, – В сложившихся обстоятельствах, я не могу её тебе ни подарить, ни завещать, папаша твой костями ляжет, до Гаагского суда дойдет, но оспорит и то, и другое. Они были у меня недавно, – женщина невесело усмехнулась своим мыслям, будто вспоминая что-то, не очень приятное, – Закидывали удочку, надо, мол, приватизировать квартиру, мама, на всякий случай. Женя, глядя на нее, думала о том, какая же бабГалия стала маленькая и худенькая, как будто она сейчас видела уменьшенную в несколько раз копию своей настоящей бабушки.

– Ты меня слышишь, Евгеша? – Галина Аркадьевна смотрела на неё и качала головой, – Худая стала, от куртки табачищем несёт за версту, ох, Женя, Женя. Провожая внучку, она взяла с неё обещание, что они займутся вопросом прописки, сразу, как только появится такая возможность. Как и следовало ожидать, такая возможность никак не появлялась, – Женьку захлестнула сначала повседневная жизнь обычной матери-одиночки: работа, сын-первоклассник, финансовые трудности, потом к этому добавились активно развивающиеся новые отношения, а затем она, как легкомысленно, его дала, также, очень скоро, и вовсе забыла о своём обещании.

Кадровый офицер, капитан российской армии Сергей Мистюков, в отличном расположении духа, зимним солнечным деньком, направлялся к городской поликлинике. Для ра-

дужного настроения, которое переполняло капитана, и даже вот-вот готово было выплеснуться наружу, было несколько причин. Во-первых, проклятый зуб, доставивший ему такие страдания, был, наконец, вылечен и не причинял более никакого дискомфорта. Во-вторых, симпатичная, молоденькая врач, – Шаповалова Евгения Валерьевна, избавившая его от жуткой зубной боли, настолько понравилась ему, что он опять взял талон на приём. Она в прошлый раз что-то сказала по поводу зубного камня, поэтому формальная причина для визита к стоматологу у него была. В-третьих, в нем теплилась надежда, что она согласится с ним встретиться за пределами медицинского учреждения. Видимо, доктор, и в самом деле, произвела на капитана сильное впечатление, если он добровольно решился на повторный визит в стоматологический кабинет и даже согласен был на процедуры, которых, точно так же, как и большинство нормальных людей, в обычной жизни старался избегать. Что-то было в этой молодой женщине, в её больших и выразительных, серых глазах, в её нежной улыбке и легких прикосновениях, что манило и притягивало. По крайней мере, Серегу Мистюкова точно. Выпавший ночью молодой декабрьский снежок напоминал белоснежный медицинский халат на тоненькой фигурке доктора Евгении, который во время её манипуляций, находился вместе с его обладательницей настолько близко от капитана, что он мог быкоснуться его губами, если бы не сидел, по большей части, с запрокинутой головой и открытым ртом.

Проходя в фойе поликлиники мимо большого зеркала, Сергей на несколько секунд задержался и придирчиво оглядел себя. Жаль, что он не в своей военной форме. В ней он всегда чувствовал себя гораздо уверенней и интересней. Но так тоже неплохо, если не считать, начинающей лысеть головы. Это обстоятельство не то, чтобы сильно огорчало Мистюкова, но вызывало некоторое беспокойство. В остальном же, как сказал бы его отец, до увольнения в запас – начальник штаба отдельного мотострелкового батальона, – порядок в танковых войсках. Сергей – тридцатилетний шатен, невысокий, но спортивного телосложения, у него правильные черты лица и особая выправка, по которой даже в гражданской одежде в нем легко распознать военного. Остановившись у кабинета, он ещё раз мысленно поздравил себя с тем, что так своевременно и удачно вышел в отпуск и приехал к родителям. А затем возблагодарил свой зуб, который своей нарастающей острой болью разрушил уют семейного вечера и тем самым способствовал встрече капитана с милейшей зубной феей. Когда мать отдала ему последний, оставшийся у неё анальгин, он понял, что встретился с неизбежным, а потому, с опухшей щекой и красными от бессонной ночи глазами, ранним утром отправился в поликлинику. Сергей Кириллович Мистюков, потомственный военный, служил в 20 километрах от Ставрополя. Он подал рапорт о переводе в эту воинскую часть одновременно с заявлением о разводе. И прибыл в распоряжение год назад из Новочеркасска, куда был

направлен сразу после окончания Ставропольского военного института связи. Главной причиной рапорта была Ольга, его бывшая жена, хотя, разумеется, в документе он указал иное: пожилые родители, единственный сын, мать после тяжелой операции на сердце. Конечно, возможность прохождения службы на родине, а также стремление начать с чистого листа, не боясь встретиться с сочувствующими взглядами коллег-офицеров и их жен, тоже имело большое значение. Но, главная причина – Ольга... До сих пор любое упоминание о его бывшей жене, немедленно отзывалось в нем глухой ненавистью, прорывавшейся наружу зубовным скрежетом, остановившимся взглядом и тяжелым дыханием. Он, двадцатипятилетний старлей, женился, когда Оле едва исполнилось восемнадцать. Увидел её в Доме офицеров, на танцах, и потерял голову. На второй день после её совершеннолетия подали заявление. Через год Ольга заскучала, она была моложе остальных женщин в военном городке и ей быстро приелись незатейливые будни офицерской жены. Она больше не хотела обмениваться рецептами капустного пирога и торта «Наполеон», ей надоели однообразные разговоры, касающиеся, в основном, мужей и их продвижения по военной карьерной лестнице. Когда переставали говорить о мужьях, начинали говорить о детях. Ольге это тоже быстро надоело, тем более что с детьми у них что-то не получалось. Через два года она стала обвинять Сергея в бесплодии и мужской несостоятельности, оба прошли обследование, все было нормально.

Им говорили: «Вы ещё очень молоды, нужно подождать, не отчаиваться, а работать в этом направлении и дальше». Работать ни в этом направлении, ни в каком другом Ольга не хотела. Вернее, может быть и хотела, и даже работала, но уже не с ним. Через три года семейной жизни Ольга начала погуливать. А затем откровенно блудить. Причем не особенно это и скрывала. Как и положено, муж узнал об этом последним. Говорили, что Ольга не гнушалась наведываться даже в казарму к солдатам. Сергей не мог, не хотел верить, но пришлось, тем более что жена не сильно и отпиралась. От расправы взбешенного, «рогатого» мужа, которая неизвестно чем бы закончилась, её спасла милость Божья и инстинкт самосохранения, который включился за секунду до того, как Мистюков вытащил табельное оружие. Отброшенная ударом сапога к входной двери, Ольга с диким криком, мгновенно выкатилась из неё прямо к ногам Регины, жены сверхсрочника-абхаза Аржбы, возвращающейся из магазина. Регина запомнила только совершенно белое, не выражающее никаких эмоций лицо Сергея и истошный женский крик. Она что-то безостановочно говорила, не сводя с него глаз, помогая встать Оле и пятясь вместе с ней к выходу из подъезда. Жену он с тех пор больше не видел, развели их быстро и автономно.

3 апреля 1999 года Сергей и Евгения поженились. Веселое это мероприятие состоялось в родном городе жениха, в уютном загородном ресторанчике. Свадьба была небольшой, но

яркой и вкусной. Не считая, Катерины Егоровны и невнятного Паши, все остальные жильцы «нехорошей» квартиры, как в шутку называл её Мистюков – присутствовали. Женька настояла на этом. Со стороны невесты, кроме друзей-соседей были родители с братом и Туська. Галина Аркадьевна не могла приехать по состоянию здоровья. Со стороны жениха двое сослуживцев с их половинами и отец с матерью. Всего полтора десятка человек. На этой свадьбе самой пьяной оказалась невеста. К своему удивлению и последующему на утро стыду, Женька в этом смысле переплюнула даже Лёху с Толиком. Начало медового месяца у новобрачных ознаменовалось дежурством новоиспеченного супруга у брачного ложа, едва успевающего менять тазики своей жене, которая хоть и находилась почти в бессознательном состоянии, тем не менее, систематически их наполняла. Сергей умилялся, – бедная девочка, такая нежная и ранимая, – и снова несся в уборную, выплескивал содержимое, менял холодные компрессы, заваривал чай... Его интуиция либо крепко спала, либо отсутствовала вовсе. Даже слова его матери, которая на свадьбе с все возрастающей тревогой вглядывалась в невестку, не произвели на её сына ровным счетом ни малейшего впечатления:

«Сынок, та вона же пье...», – Валентина Федоровна, имеющая украинские корни, если сильно волновалась, часто переходила на родной язык.

Женька с сыном переехали в маленькую холостяцкую

квартирку Сергея. Подали документы на расширение. В остальном, жизнь Евгении не сильно поменялась. Она работала на прежнем месте, Дима ходил в ту же школу. Вскоре пришло страшное известие, что у Галины Аркадьевны рак мозга. Зинаида Евгеньевна рассказала Женьке, что бабушка никого не хочет видеть, что открывает только Надежде, которая у неё практически живет, и, наверное, уже прописалась. Здесь Женькина мать расплакалась:

– Всю жизнь она так со мной, как с врагиней! Как будто, подозревает в чем-то всегда, чужая тетка ей роднее единственной дочери... Женя подумала, что это действительно так в их семье, взаимная нелюбовь матерей и дочерей. Она тоже прямо сейчас, не сходя с места, может назвать сразу нескольких людей, которые, да, ей дороже родителей. Но вслух Женя сказала:

– Какая же Надежда чужая тетка? Они больше сорока лет друг друга знают! Ты можешь представить хоть одно событие в нашей семье, в котором не принимала бы участия Надежда Ивановна?! – Женька замолчала, словно ожидая ответа, и продолжила, – Лично я – нет! Поэтому, если бабушке спокойнее, когда рядом с ней её подруга, я мешать не стану. У Женьки после телефонного разговора с матерью остался неприятный осадок. Она хорошо понимала, чего хотят её родители: чтобы она поговорила с бабГалей, убедила её в искренних и светлых чувствах, которые отец с матерью испытывают по отношению к Галине Аркадьевне, чтобы та про-

гнала, наконец, вездесущую Надьку и распахнула двери своей дочери и зятю. Но как быть с тем, что Женька и сама не очень верит в то, что родители переживают за бабушку, а не за квартиру и она терпеть не могла, когда её пытались использовать, или начинали манипулировать, как сейчас. Кроме того, бабушке сложно что-то навязать, она все всегда решает сама. Женя решила увидеть все собственными глазами. – А там посмотрим, – мысленно сказала она себе. В любом случае, она не собирается ни уговаривать её, ни, тем более давить. Для этого она слишком уважала её. БабГая открыла дверь сама и так быстро, точно стояла за ней. Они расцеловались. Женька заметила, что она ещё больше осунулась и похудела, но в остальном, это была всё та же её бабушка, – мудрая, внимательная и любящая. Верная Надя, которая была здесь же, засутилась, и в раскорячку, тяжело переваливаясь на своих отечных ногах, пошла на кухню ставить чайник. Женька, глядя ей вслед, подумала о том, что Надежда Ивановна сильно постарела, с того времени, как они не виделись. «Сколько ей, – задумалась она, – Шестьдесят, шестьдесят пять? БабГале скоро восемьдесят, а Надежда лет на девять или десять моложе .... Святые угодники, – осенило вдруг Женю, так и Надюше-то под семьдесят уже! Когда же это успело случиться?». Женька привыкла, что Надежда Ивановна всегда активна, энергична и всегда готова помочь. Вспомнилась фраза – дружба – понятие круглосуточное.

– Надежда Ивановна, а как Костик? – спросила она.

– Хорошо, Женечка, что ему, – живет, как птичка Божия, – заулыбалась Надя, – увидел зернышко и счастлив. В церковь ходит, помогает там, а я не запрещаю, нужно же ему чем-то заниматься. Родители от него из своей Германии деньгами откупаются, а со мной ему тоже, небось, не очень-то весело. Женьке опять пришла на ум вычитанная где-то фраза, – даунята – славные ребята, да что со мной сегодня? – подумалось ей.

– А вы знаете, я ведь осознанно врачом захотела стать в классе пятом, наверное. Мечтала, вырасту, стану знаменитым доктором, вылечу Костика, и мы поженимся – все трое невесело посмеялись.

Галина Аркадьевна внимательно глядя на Женю, спросила:

– Ладно, знаменитый доктор, замуж ты вышла хоть и не за Костика, да второй раз. А где же супруг твой, я его и видела один раз всего, когда вы забежали ко мне спасаясь от дождя? – и, обращаясь к Надежде, пояснила, – Если бы не внезапно начавшийся дождь, испортивший им все свидание, так я б и по сю пору зятя не имела чести лицезреть.

– Капитан на объекте, подробнее даже не спрашивай, это страшная военная тайна, т-с-с-с, – Женька театрально приложила палец к губам, глядя на пожилых женщин смеющимися глазами, – Да ладно, шучу я, он заберет Димку с продленки и заедут сюда вечером. Разрезая торт, она продолжила:

– А про дождь, Надежда Ивановна, это правда, мы с Сережей в тот день оказались в Ставрополе из-за премьеры фильма «Мама», смотрели? С Нонной Мордюковой. Выходим из кинотеатра, а тут ливень, ну вот мы и прибежали сюда... Да мы и так собирались, конечно... – она поставила перед баб-Галейблюдце с тортом, и добавила:

– Жаль, что тебя на свадьбе не было... Галина Аркадьевна слушала внучку, любовалась её свежим, румяным лицом с яркими, словно промытыми майской грозой серыми глазами удовлетворенно кивала её словам и своим мыслям. Обе, не стовариваясь, оттягивали разговор о болезни, анализах и вытекающих из всего этого совсем нерадостных перспективах. Галина Аркадьевна, когда ушла Надежда, начала изда-лека и опять заговорила о прописке, Женя объяснила, что есть возможность получить двухкомнатную квартиру, а если она будет с Димкой прописана здесь, этого может и не случиться.

«И потом, ну куда твоя квартира денется? – повторяла опять Женя, – Дальше нашей семьи – никуда!»

Они долго сидели вдвоём, бабушка и внучка, – тихо разговаривали, чему-то смеялись и просто молчали. Женька обещала приезжать каждую неделю, а если будет нужно, то и чаще. Галина Аркадьевна с улыбкой кивала. Даже она, хоть и не знала точно, но видимо, интуитивно чувствовала, то, что этот вечер, который она в ясном сознании и с удовольствием провела вместе с любимой внучкой у них последний. Мо-

жет быть поэтому, так часто в этот день её взгляд задерживался на Жене, и она иногда теряла нить разговора. Поэтому они так много в этот день вспоминали дорогих сердцу, ушедших людей. И долго, уже все вместе, рассматривали семейный альбом, с подробными комментариями Галины Аркадьевны, с её грустными и забавными историями, связанными с той или иной фотографией, рассчитанные, в большей степени, на Сергея и правнука Димку. Обратного ехали молча. Говорить никому не хотелось. Даже Сергей, которого трудно было бы упрекнуть в сентиментальности, уже подъехав к дому, и глянув на заплаканную Женю, проговорил: «Да, грустно все это...» Сын Дима, вроде бы не проявивший особой заинтересованности ни к бабушкиным рассказам, ни к фотоальбому, тоже притих и смотрел в окно.

Женюшка знала, что у бабушки вторая стадия рака, неоперабельная, болезнь запущена и прогрессирует, но и она не ожидала такого резкого и кардинального ухудшения её здоровья. Её стали мучить головные боли такой силы, что она начинала кричать. Во время этих приступов и сразу после них, никого не узнавала, обводила мутным взглядом комнату и звала Женю, даже, когда она находилась рядом. Женюшка правдами и неправдами доставала лекарства, это было дорого и тяжело, но то, что выписывали Галине Аркадьевне в городской поликлинике, либо помогало очень непродолжительное время, либо не действовало вовсе. Положение осложнялось тем, что бабушке, в основном, нужны были сильные обезболива-

ющие, практически наркотики, тех, что выписывали легально, было смехотворно мало. Дважды помощь оказывал Лёня. Действовал не прямо, а через Тусю. Женя догадывалась, но не подавала вида, – остродефицитные препараты, так же, как и деньги, – не пахнут. Женька каждый выходной моталась в город, а иногда и после работы, если звонила Надежда и общала об ухудшении состояния или о том, что Галина Аркадьевна зовет внучку. После тяжелой работы, после ещё одной смены у бабушки, где Женька готовила, стирала, убирала, словом, делала то, что бабГаля уже не могла, у неё вошло в привычку ехать не домой, а в соседний город на свою бывшую квартиру. Официальную причину для визита она конструировала ещё по дороге, это была либо Майка, с которой она неожиданно подружилась, и которая за бесплатно вылеченный зуб, теперь шила ей платье, либо выражение соболезнования по поводу безвременно ушедшего супруга бабы Мани – Паши, и мгновенная организация дополнительных поминок в связи с этим, либо что-то еще. Но чаще всего никакого повода не требовалось, тем более никому и в голову не пришло бы в этой квартире удивляться, что замужняя женщина, имеющая ребенка и проживающая, вообще-то, в соседнем городе, пришла ненадолго в гости к своим, пусть и бывшим, но добрым и отзывчивым соседям. Можно сказать, друзьям. Её радушно принимали, тем более что Женя никогда не являлась с пустыми руками. Довольно часто, понимая, что на автобус домой она не успевает, а иногда поступая так

сознательно, Женька звонила мужу и сообщала, что заночует у бабушки, так как не может её оставить в таком состоянии. Сама же после того, как Толик раз или два наведывался в соседнюю квартиру за алкогольным пополнением, уже поздно ночью отрубалась у бабы Мани на аккуратно заправленной кровати отошедшего в лучший мир дяди Паши. Тем временем, то ли медикаменты Лёнчика оказали своё положительное действие, то ли Женькины усилия дали результаты, но Галина Аркадьевна стала чувствовать себя значительно лучше. Первая ремиссия была долгой и обнадеживающей. Бабушка хоть и начала стремительно терять зрение и почти не разговаривала, но сохраняла некоторую активность и была стабильна. Прекратилась ежедневная непредсказуемая рвота и эпилептические припадки, блуждающее сознание пришло в относительную норму. Женька облегченно вздохнула и... забеременела. Сергей не находил себе места от радости. В последнее время он ощущал тревогу, жена была или на работе, или бегала с рецептами по аптекам и знакомым, или ухаживала за бабушкой и даже не раз оставалась там с ночевкой. Её муж переживал: мыслимое ли дело, пару раз после таких ночных дежурств, жена не в состоянии была выйти на работу! Из-за чего у неё даже были проблемы. Но теперь Сергей категорически запретил жене подобные вылазки, опасаясь каких-либо осложнений для неё самой и ребенка. Женька прекратила визиты в «нехорошую» квартиру, а к бабушке её раз в неделю возил муж. Тем более, что у Гали-

ны Аркадьевны и её дочери Зинаиды произошло очередное хрупкое примирение и Женькина мать часть забот о бабГале взяла на себя. Этот период жизни Евгении был одним из самых размеренных и тихих. Она спокойно работала, погрузилась в заботы о семье, занималась сыном, перед которым всегда чувствовала плохо осознаваемую, но постоянно напоминающую о себе тем или иным способом, вину. Дима рос замкнутым мальчиком, колючим и необщительным. Женька винила себя, что родился он, когда они были студентами, перебрасывали его – то бабушке, то прабабушке, ему не хватало материнской любви, а отцовской он и почувствовать не успел. Учился он ровно, быстро схватывал новый материал, но было видно, что ему скучно, что школа его тяготит. Читал быстро и хорошо, но только то, что задавали, ни больше, ни меньше. Сергей на досуге занимался авиамоделированием и пытался увлечь этим мальчишку, но Дима не только не проявил ни малейшего интереса к такому времяпрепровождению, но и откровенно зевал, когда Сергей с увлечением начал рассказывать о той или иной модели самолета. Мистюков хмурился и соглашался с женой, что, «видимо авиация – это не его», но в душе презирал ребенка, а потому оставил в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.